

Михаил Родионов

Кольцо Баюма

Безликие. Книга 4

Михаил Родионов

Кольцо Баюма. Безликие. Книга 4

«Издательские решения»

Родионов М.

Кольцо Баюма. Безликие. Книга 4 / М. Родионов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503295-9

Мир меняется. Цифровые технологии переворачивают все с ног на голову, делая невозможное возможным. Что ждет людей будущего в новых открытых просторах? Команда отправляется в виртуальное пространство и еще раз доказывает, что настоящая человеческая дружба сильнее страха перед неизведанным...

ISBN 978-5-00-503295-9

© Родионов М.
© Издательские решения

Содержание

Кольцо Баюма	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	27
Часть вторая	28
Глава I	28
Глава 2	40
Часть третья	56
Глава I	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Кольцо Баюма Безликие. Книга 4

Михаил Родионов

© Михаил Родионов, 2019

ISBN 978-5-0050-3295-9 (т. 4)

ISBN 978-5-0050-3296-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Вся наша жизнь – игра,
а люди в ней – актеры
Шекспир*

Кольцо Баюма

Посвящается всем, кто мог проводить за компьютером, не отрываясь, десять и более часов, защищая свои замки и отражая осады, фармя РБ, и в течение минуты собиравших фул пати на вар. Тем, кто вставал по будильнику ночью или по смс друзей для того, чтобы зафармить саб РБ в ТОИ или Семетре. Тем, кто в катах заходил так далеко, что к нему невозможно было пробиться ни варам, ни ПК. Кто часами таскал паровозы для своей пати и танковал на Нубл РБ. Кто хилил соклановцев и ресал целые пачки. Кто ради соклановцев перезаходил с основы на некров и станил шаманов на 7 ТОИ, пока все красили тряпки. Кто проходил квест на дракончика, качал его, тратя свое время и выращивал из него огромного монстра. Тем, кто в ПК сливал всех, кто обидел друзей и не трясся за падающий шмот и слитые проценты. Тем, кто помогал начинающим нубам и подсказывал, матерясь, самые элементарные вещи в игре. Тем, кто встречал Новый год под салютами в Гиране. Тем, кто бегал в кармиане с Ава щитом и хомой плюс восемь. Тем, кто гамал в Авадоне плюс три, ДК щитом и квестовыми ушками. Тем, кто сумел взять хиро в ДК сете с СОМом. Тем, кто не жалел эпик бижи для друзей на олимп и давал свою пуху на кач. Кто с боями или хитростью пробивался на четырнадцатый этаж, чтобы попасть к Баю и ткнуть его, чтобы покрасить кинжал. Тем, кому вечно не хватало сосок на Тарасе и кто таскал Ангелов у Баюма. Адекватным хиро, которые иногда бесплатно давали объявы в чате и озвучивали местонахождение мамона-барыги в катах. Тем, кто сумел точнуть хому на заветные плюс шестнадцать, не заработав при этом инфаркта, и тем, кто ломал уже на плюс четыре. Тем, кто выставял скилы на панели и учился по мувикам ДВП и Даниэля Дэфо... Тем, кто нашел в игре настоящих друзей и достойных врагов, – посвящается...

Каждый должен заниматься своим делом, и эти люди занимались своим. Каждый из них был личностью с большой буквы и настоящим профессионалом в игре. Кто-то был в друзьях, а кто-то во врагах, но каждый из них запомнился, и даже спустя много лет знакомые ники нет-нет да и всплывают в подсознании. Года, проведенные в онлайн играх, навсегда врезаются в память и оставляют там неизгладимый след. Прошло уже очень много времени, многое забыто, поэтому большая просьба не обижаться, если кто-то не попал в этот список. Он был составлен из нескольких серверов...

Фрозен, Дамп, Смоук, Овертейк, Твин, Геймер, Туз, Краля, Трой, Бафмен, Лекс, Монолиза, Фунтик, Самфинг, Мари, Крис, Тень, Верта, Снейк, Ямакаси, Форвард, Магик, Андерсен, Элендил, Ниакрис, Тенета, Меком, Колхозник, Руни, Муза, Велком, Военком, Крейзи герл, Айс, Динамит, Сталин, ПКсыр, Нуала, Пахарь, Алиска, Запашок, Вин, Лексус, Гари, Бегемотик, Ночной Странник, Доллар, Лис, БугиБой, Деймос, Химичка, Линки, Волкано, ЭнЭр-Джи, Сильва, Линарик, СноуКрю, Хорд, Казантип, Виздом, Виоленс, Барсук, Селестиал, Абрамович, Кошкина, Лито, Критовик, Принцеска, Лост, Арес, Упс, Килька, Ахметка, Мефисто, Сид, Кени, Экселон, Светлая, Джиман, Камерун, Малорик, Тралл, ШаманКинг, Кошка, Кокс, Маришка, Энджой, Кенвуд, Мираж, Кипиш, Хохол, Котенок, Грифон, Теран, Фримен, Элементал, Народ, Кактус, Дяболик, Милашка, Ангелина, Флэшка, Директор, Фанни, СЕшкина, Ласка, Дети Хоронят Коня, Спелс, Где Мои Тапки, ЛетоКорочеЗимы, Сумрак, Лисичка, Три-ада, Морковка, Семур, БигСмоук, Литтл, Папаня, Баракуда, Гидеон, 4авес, Мезим, Киндерсон, Василиск, Океан, Махорка...

Сервера: Реалком, Есливки, Грация Эпилог, Фанейдж, Овер Ворлд...

Али: Скай, Фемида, Ексайл...

Кланы: Хевен, Смерш, Анти пипл, Гуд френдз, Колобки, Рок Оф Миркл...

Часть первая

Глава 1

- Граждане пассажиры, фирменный поезд «Владивосток – Москва» прибывает на четвертый путь. Повторяю...
- Вниманию пассажиров, на вокзале для вашего удобства работают камеры хранения, кафе и гостиница...
- Гражданин, Узурбаев, вас просят подойти к справочному бюро...
- Граждане пассажиры, в связи с возможностью проведения террористических актов и для вашей безопасности просим не брать на хранение вещи у незнакомых лиц...
- Братан, куда едем? Недорого возьму...
- Уважаемые гости столицы, экскурсия по историческим местам – проходим в автобус, отправление через две минуты...

– У Курского вокзала
Стою я молодой.
Подайте Христа ради
Червончик золотой...

Ребенок лет семи стоял на привокзальной площади и сквозь бесконечную какофонию различных звуков пытался жалобным голосом напевать проверенные временем песни. На него мало кто обращал внимание, и бизнес явно не шел. Репертуар был уже достаточно хорошо всем известен, и чего-то нового ожидать не приходилось. Допев одну песню, он сразу же принялся канючить вторую:

– По приютам я с детства скитался,
Не имея родного угла.
Ах, зачем я на свет появился?
Ах, зачем меня мать родила?

Его творчество так никого и не заинтересовало, кроме трех подростков чуть старшего возраста. Они какое-то время стояли невдалеке и внимательно следили за певцом. Наконец, один из них подошел к артисту, встал напротив него и, засунув руки в карманы широких спортивных штанов, процедил сквозь зубы:

- Слышь, ты чего это здесь распелся?
- А чего, нельзя?
- Нельзя... Это наша территория.
- Здесь не написано...
- Я тебе сейчас на лбу напишу... Ты лицензию, чтобы здесь работать, покупал?
- Нет, а у кого нужно покупать, у ментов?
- Нет, здесь Чина всем заправляет, она уже сама с ментами расплачивается...
- Почем разрешение?
- Штука с человека, в день...
- Это дорого, я здесь уже час стою и еще ничего вообще не заработал...
- Ты чего? Это дешево. Сейчас поезда с югов начнут приходить, ты к вечеру две-три штуки поднимешь легко здесь. У нас на этом месте свои люди стояли, но их забрали на другой

вокзал – мы там еще одну точку открыли, поэтому это место пока свободное. Если хочешь работать с Чиной, то можем тебя свести с ней, а по-другому никак. Или с ней работаешь, или вали отсюда, мы других найдем.

– Мне некуда идти. Я недавно в Москву приехал, пробовал на автовокзале поработать, но там вообще не разговаривают, я только встал, сразу подошли четверо и без разговоров в зубы дали. Еле убежал от них. Всего избили, думал, вообще убьют. Теперь вот два дня уже не ел ничего... Пошли к Чине.

Четверо подростков шли по вокзалу среди людей с чемоданами и сумками и весело переговаривались:

– Не бойсь, Чина – норм чел. Знаешь, скольким она помогла уже? Ни разу никого не кинула и крышует, ваще круть. У нее все менты схвачены здесь. Только слово скажет – и никто тебя больше пальцем не тронет, главное, вовремя лицензию проплачивай – и все норм будет.

– А вы сами-то давно здесь работаете?

– Я третий год, а Леший с Ржавым недавно здесь, еще года нет. Сам-то откуда будешь?

– С Казани... Но уже в Питере успел побывать...

– Здорово, а я в Питере еще не был ни разу. Вот накоплю денег много и поеду туда жить. Там, говорят, лучше, чем в столице, – люди другие... А чего со своей Казани уехал? Совсем плохо стало?

– Да нет, нормально было. Просто там какую-то Универсиаду собрались проводить, вот всех и стали ловить и по другим городам развозить. В городе, ваще, бомжей и беспризорников не осталось – всех вывезли. Ментов нагнали – на каждом шагу стоят и документы проверяют у всех и сумки тоже. Даже в автобус без паспорта теперь зайти нельзя. А нам сказали возвращаться можно только через месяц, а иначе плохо будет. Вот мы и поехали с друзьями, но по пути растерялись все, и теперь никого найти не могу из наших...

Дети вышли с вокзала и по закоулкам прошли в какие-то строения, расположенные рядом с привокзальной площадью. В одном из старых ободранных полувагончиков-полусараев находился рабочий офис Чины. Самый старший из беспризорников осторожно постучал в железную дверь и, получив разрешение войти, кивнул своему новому знакомому:

– Пошли...

Они зашли, и новенький сразу же почувствовал, что попал в другой мир. Здесь было тепло и пахло едой. Стены и пол были застланы коврами, а на столе стояло несколько банок тушенки. Мальчик стоял в дверях и не мог оторвать глаз от еды на столе. В себя его привел чей-то голос:

– Ну, чего проход загораживаешь, проходи, коли пришел.

– Здрасьте...

– Здрасьте. Чего нужно?

– Работать хочу с вами...

– А-а... Леший, у нас рабочие места есть свободные?

– Есть. Мы одну группу перевели на соседний вокзал, а здесь точка свободная пока.

– Ладно, тогда новенького выстави туда и объясни, что и как у нас.

– Выставлю.

– Кстати, сегодня вечером вы мне нужны будете. Один кошелек должен будет ехать на юга, здесь пересадка у него пару часов. Нужно будет лопатник подрезать. Я позже покажу этого лоха.

– Сделаем, не волнуйся... не первый раз.

– Сделаем... не волнуйся... вот и волнуюсь, а то, как в прошлый раз вы сделали, так весь вокзал на ноги подняли – пришлось ментам половину навара с делюги отдать... мне такие

работники не нужны... еще раз проколется, выгоню и других возьму с подмосковья – они уже давно просятся ко мне...

– В прошлый раз кейс же был, поэтому и трудности вышли, а сейчас-то лопатник, с ним проблем не будет, все норм сделаем...

– Ладно, вечером, ближе к восьми, зайдете все ко мне, и новенького с собой возьмите, ему бабло тоже не помешает на первых порах.

Подростки вышли из вагончика на улицу и сразу же стали посильнее укутываться от сырого промозглого ветра.

– А почему ее Чиной зовут?

– А ты видел, что она вылитая китайка?

– Китаянка, наверное...

– А, какая разница, нехай китаянка...

– Видел...

– Ну, вот, а Чина переводится как Китай. Ее так и прозвали тут.

– А сколько ей лет?

– Не знай... Лет десять или пятнадцать, кто ее знает. Она про себя не рассказывает ничего, да никто и не спрашивает. Зато у нее всегда есть инфа про богатеньких лохов, которые на вокзале появляются. Так что, если с ней будешь работать, без бабла сидеть не придется и заботить никто не будет. Ладно, хватит болтать – иди работай, вечером ближе к восьми мы за тобой зайдем, тогда и место пропиатишь сразу, а если повезет, то сможешь на несколько дней вперед проплатить. Мы тут недалеко от тебя будем, так что, если какие проблемы, просто рукой махни нам, мы тут сразу все разрулим...

– Я понял, если что, то махну...

Через пару часов работы новые друзья принесли ему пакет с бутербродами из Макдоналдса и пару бутылок с колой. Жизнь потихоньку стала налаживаться. Холодный ветер уже не казался таким пронизывающим, а работодатели решали все проблемы с молниеносной скоростью.

Какой-то толстый мужик остановился возле голосащего ребенка и какое-то время слушал, как малец поет. «Ну, сейчас точно отвалит денег», – пронеслось у певца в голове, но в самый неожиданный момент мужик вдруг схватил его за ухо и принялся орать на всю площадь: «Полиция, полиция, куда смотрит полиция? Здесь беспризорник попрошайничает. Кто-нибудь вызовите полицию...» Певец перепугался не на шутку и от страха даже не смог ничего пролепетать в свою защиту, и, судя по всему, дальнейшая его судьба должна была уже решаться в отделении полиции. Но его новые друзья уже были рядом. Вокруг этого действия постепенно стали собираться зеваки, и толпа стала увеличиваться на глазах. Но к толстому мужику с ребенком уже пробирались полицейские. Они грозно отодвинули всех от главных действующих лиц и, повернувшись к Лешему, один из них спросил:

– Этот?

– Да, товарищ полицейский. Этот мужик привязался к нам. Мы спортсмены, приехали в Москву на международные соревнования, а этот мужик подошел к нам и стал предлагать деньги, чтобы мы поехали с ним к нему на съемную квартиру. Мы отказывались, а он тогда схватил нашего друга и стал угрожать, что если тот не поедет, то он скажет, что мы здесь деньги кланчим у людей...

– Разберемся... Гражданин, предъявите ваши документы... Так, так, хорошо... Что же вы, мужчина, только прибыли в Москву, столицу, так сказать, нашей Родины и сразу же решили развлечься? Вы что же это думаете, что здесь совсем уже порядка нет? Вам придется пройти с нами... А я сказал, что вы пройдете со мной...

Мужик отпустил ребенка и громко произнес, с надеждой поглядывая на окружавшую их толпу:

– Я ничего не нарушил и поэтому никуда с вами не пойду...

– Не пойдешь, значит... ну, ну...

Один из полицейских ударом дубинки по ногам, уложил толстяка на брусчатку и, быстро надев на него наручники, волоком потащил в отделение. Второй полицейский в течение нескольких минут успокоил толпу, и все разошлись по своим делам. Через десять минут певец уже стоял на своем рабочем месте, полицейские получили по сто долларов за хлопоты, а мужик остался без своих отпускных денег с одним билетом на руках в обратную сторону. За беспокойство певец получил десять тысяч, новые друзья – по пятнадцать, а остальную половину себе забрала Чина. Колесо московской жизни закрутилось со своей обычной скоростью...

Глава 2

– Слышь, Маугли, тебе сколько раз говорить нужно, чтобы ты близко не подходил к операционной? Какого хрена ты там трешься всегда?

– Я полы мыл и отходы после операции убирал...

– А медсестра говорит, что ты инструмент смотрел и трогал их своими погаными руками... Тебе что, уже не нужна эта работа? Помнишь, обезьяна, как ты меня упрашивал, буквально умолял, чтобы я тебя взял на работу медбратом?

– Помню, но я же хорошо все делаю...

– Хорошо? Тогда нечего в операционную вообще заходить, когда там нет никого.

– Больше не буду...

– Ты не в детском садике, не будет он... Короче, штраф с тебя. С зарплаты вычту двести баксов.

– У меня всего зарплата четыреста долларов. На что я жить-то буду?

– А это уже не мои проблемы. Не нравится – можешь прям щас валить отсюда. Разговаривает он еще. Иди с глаз моих, и чтобы полы в коридоре блестели у меня. Последний раз предупреждаю тебя – запомни это...

– Я запомню...

Маугли, в миру Мартин Райз, приехал в Россию еще во времена Советского Союза, чтобы учиться в медицинском институте. Первое время за него платило государство, но гражданская война изменила все его планы на будущую счастливую жизнь. Вождь его племени сразу же прекратил оплачивать учебу, и Мартин решил не возвращаться на родину, так как власть захватили противники, и ничего хорошего для него это не сулило. Он остался в России, и все это время выживал, как мог. Институт закончить ему так и не удалось. На работу его особо нигде не брали, и поэтому он соглашался на любой вид заработка.

Жить приходилось в подвалах и на чердаках, но в последнее время все стали закрывать на кодовые замки, и теперь ему приходилось каждый день, когда он не дежурил в старой больнице, выезжать в ближайшее Подмосковье. Там было много садовых обществ, вот там он и выбирал себе небольшой домик, где и ночевал, а утром, аккуратно прикрыв за собой дверь, ехал на крышах электричек на работу в столицу.

Ему было уже за тридцать, а планов на улучшение своей жизни он так и не составил. В этой полуразрушенной больнице на самом краю Москвы он работал уже около года. Делать приходилось все: выносить утки за больными, мыть полы, чистить туалеты, подметать двор и еще многое другое. Сначала все его называли не иначе как индейцем, затем закрепилось прозвище Маугли, и теперь так к нему обращались и больные.

Работал он нелегально и за все время своей трудовой деятельности на данном объекте ни разу не получил всей обещанной зарплаты. Но зато ему иногда позволяли здесь переночевать, а зимой это был бесценный подарок. Он не голодал, так как убирал за больными, а тех сердобольные родственники откармливали как на убой. Продукты все никогда не съедались, а просто выбрасывались в мусорный пакет, откуда добросовестно извлекались руками все того же Маугли. В давно просроченном паспорте у него всегда лежали триста баксов, которые время от времени перекачивали в карманы полицейских патрулей. Доллары, вот уже на протяжении многих лет решали все проблемы с прописками, визами и прочими атрибутами современной жизни.

Главврач небольшой больницы приютил бедного темнокожего мужчину, и теперь в его распоряжении была практически бесплатная круглосуточная рабочая сила. Платить ему особо

было не нужно, но зато с него можно было требовать все по полной программе. Вот и сегодня он одним своим замечанием заработал двести баксов за пару минут разговора с Маугли. «Побольше бы таких идиотов – и можно было бы вообще на работу не ходить», – промелькнуло в голове начальника. Он стоял в своем кабинете и смотрел в окно. В небольшом дворике среди больших деревьев прохаживались люди в старых, сильно выцветших халатах. Больные неспешно передвигались взад и вперед – это называлось лечением свежим воздухом. На это из бюджета больницы списывались приличные деньги, а «неблагодарные полуживые людишки», как про себя их называл доктор, еще и требовали к себе какого-то внимания. Это больше всего и бесило врача. Когда он уже было собрался уезжать домой, к нему в кабинет зашла заведующая отделением. По ее озабоченному виду было ясно, что придется задержаться на работе хотя бы для того, чтобы ее выслушать. Это уже было выше его сил:

– Ну, чего у тебя на этот раз?

– Только что поступил новый больной – байкер, разбился на мотоцикле на МКАД.

– А чего его к нам привезли-то?

– Мы оказались ближе всех больниц, вот сюда и доставили.

– Ну, привезли... и что теперь? Ты никогда больных не видела что ли?

– Там тяжелая травма головы. Мы проводим сейчас все анализы, но, скорее всего, до утра не дотянет.

– Не дотянет, а я-то тут причем? Или ты хочешь, чтобы я его тянул? И вообще где шофер и дежурная бригада? Что, не могли пару часов в пробке постоять? Теперь вот придется с ним еще возиться. Умер бы по дороге – и никаких проблем, а теперь еще на него время тратить... Совсем уже работать разучились... Понабирали дебилов, не с кем работать стало...

– Тут его друзья. Они говорят, что готовы заплатить любые деньги, чтобы спасти его.

– А-а, друзья... Ну с этого и нужно было начинать. Мотоциклы дорогие?

– Вроде, да, я особо-то и не разбираюсь...

– Ладно, одного заведи, я сам переговорю с ним...

Через пару минут в кабинете сидел здоровый волосатый мужик в кожаной куртке. Судя по его цепям и огромной бороде, он всерьез относился к своему увлечению. Он сидел и молча слушал врача, а тот, не торопясь, объяснял все тонкости своего докторского искусства:

– Это очень сложный случай. Обещать ничего не могу, я только что с операции – на ногах еле держусь от усталости, а завтра с утра мне снова вставать к операционному столу. Даже не знаю, что вам и сказать...

– Доктор, пожалуйста, помогите. Может быть, у вас есть знакомые хорошие врачи? Мы люди не бедные и можем проплатить все неудобства.

– Хорошие врачи-то есть, конечно, только тут нужен не просто хороший врач, а супер хороший врач. Такие стоят очень больших денег. Я бы и сам, конечно, мог попробовать, только вот сейчас уезжаю в другую больницу, там я даю консультации. Просто деньги очень нужны, хочу в нашу больницу закупить новое оборудование из Израиля, а сами знаете, как у нас государство на это деньги выделяет. Вот и приходится самому на двух работах трудиться. Уже забыл, когда последний раз и отдыхал-то нормально...

– А вы можете сегодня никуда не ехать? А мы бы оплатили ваши финансовые потери.

– Даже не знаю... Хотя... почему бы и нет? Давайте так с вами поступим. Ваш друг в очень тяжелом положении. Честно говоря, я думаю, что он не доживет до утра, но я могу попробовать вытащить его с того света. Это будет стоить при благополучном исходе триста тысяч, а при летальном пятьдесят. Пятьдесят – это потому, что мне в любом случае придется задействовать больничное оборудование и медикаменты, а за свою работу я тогда уж ничего не возьму.

– Да, я согласен, завтра с утра деньги будут у вас.

– Вот и договорились...

Байкеры уехали, а главврач снова засобиравлся домой. Уже при выходе из больницы он окликнул дежурного хирурга:

– Петренко, там больной лежит в приемном отделении, весь в крови, так вы его там оставьте, а в палаты не перевозите, а то он все испачкает нам. Когда умрет, то отправьте в морг.

– Хорошо...

На следующее утро он уже напрочь забыл о вечернем больном и вспомнил о нем только тогда, когда в его кабинет зашел все тот же байкер и выложил перед ним на стол пачку в десять тысяч баксов. Главврач сначала растерялся и даже слегка отодвинул от себя деньги, но вовремя пришел в себя и, собрав всю свою волю в кулак, скинул веер долларов в ящик стола. Теперь деньги были в его власти, и нужно было что-то срочно придумывать, как бы их не отдавать, но выход нашелся сам собой. Бородатый мужик начал говорить, и его слова полились, как бальзам, на израненную душу доктора:

– Спасибо вам, доктор. Вы настоящий волшебник. Нам сказали, что спасти его могло только чудо, и вы сделали это. Мы никогда этого не забудем, и, если вам когда-нибудь понадобится помощь – только позвоните, мы сразу же приедем. Еще раз спасибо от всей нашей команды...

Доктор-волшебник молча слушал байкера и судорожно размышлял о том, что происходит. Когда этот ненормальный ушел, он встал и быстро спустился на первый этаж в приемное отделение. Врач все осмотрел, но больного не обнаружил. «Ну, я так и знал – этот помер, а придурок-байкер сейчас вернется за деньгами. Терпеть не могу этих мужланов-дебиллов на мотоциклах, одни проблемы из-за них». Но каково же было его удивление, когда через минуту дежурный врач доложил ему, что вечерний больной удачно прооперирован и теперь находится в реанимации, его жизни ничто не угрожает и все жизненно важные показатели пришли в норму.

– Кто оперировал?

– Не знаю, но дежурным в ночь оставался Петренко.

– А где он сейчас?

– Да где же ему быть? Отсыпается в процедурном кабинете. Его там нашли утром, когда смену принимали. Он опять всю ночь пил спирт с больными, а под утро уже свалился, и его медсестры перетащили к себе в процедурную. До сих пор разбудить не можем его.

– Ну, как-то же он оперировал? Там шансов не было вообще, ну, может, один процент из ста на удачную операцию...

– А вот этого не знаю, я сегодня посмотрел карточку больного – так даже и притрагиваться бы не стал к нему. Он уже был одной ногой в могиле. А Петренко не такой уж и высококлассный хирург, чтобы делать операции на таком уровне.

– Тогда вообще ничего не понимаю... А кто еще был в больнице ночью?

– Три медсестры и Маугли. Но одна сестра ездила домой – у нее сын наркоман, помните? Так она его в кладовке пристегнула наручниками к батарее и теперь раз в день носит ему воду и еду, ну, и убирает за ним, конечно... Остальные медсестры были с дежурным врачом всю ночь.

– Значит, никого... Ладно, потом разберемся, когда Петренко проспится. И вообще смотрите тут у меня. Совсем распустились, пьете во время дежурства. Всех поувольняю, если не прекратите. Развели тут бардак мне...

Доктор вернулся в кабинет и закрыл за собой дверь на ключ. Легкий холодок внутри живота подсказывал ему, что сейчас произойдет что-то очень приятное. Так и вышло. На свет были извлечены хрустящие купюры, и врач принялся тщательно их пересчитывать: «Знаю я вашего брата – соврут, не дорого возьмут... Ладно, хоть не обманули, все на месте... Нужно

было сразу пересчитать, а то ищи их потом с ветром в поле или ветер в поле... Ну, не важно, зато теперь можно после обеда съездить в банк и перевести деньги к себе на счет в Эмираты...»

Глава 3

– Вот в кого ты такой трус уродился, а? Чего ты всего боишься? Ты здоровенный мужик, а трясешься перед каким-то школьником-мажором.

– А вдруг он ножик достанет или пистолет?

– Не достанет он ничего, все, что он может, – это только орать на всю улицу и пугать всех своим папой.

– Ну, а вдруг?

– Короче, ты меня уже достал. Сейчас скажу начальнику охраны, чтобы тебя больше не ставил на фейс-контроль – будешь у нас вечно сидеть на посту видеонаблюдения.

– Там же скучно, и глаза сильно устают...

– Ничего, там твое место теперь. Вырос с елку, а ума с шишку. Подарила же природа такие физические данные, а храбрости забыла приложить. Кстати, ты же еще грузчиком где-то подрабатываешь?

– Да, работаю в овощном магазине, на метро две станции отсюда...

– Устаешь сильно, наверное?

– Ага, устаю. Еле домой ноги приношу после работы.

– Я вот к чему это у тебя спрашиваю – если узнаю, что спишь на посту, вылетишь у меня в два счета, не посмотрю, что амбал под два метра, вылетишь без выходного пособия... Понял меня?

– Понял.

– А теперь иди и занимай свой вечный пост.

Старший смены службы охраны одного из многочисленных нелегальных московских казино напрямик направился в кабинет начальника охраны. Они были давние друзья, и поэтому он зашел без стука и вальяжно развалился на диване. Начальник охраны, не поднимая глаз от компьютера, бросил вошедшему:

– Чего тебе?

– Ничего. Что, так просто зайти нельзя уже? Может, я хотел кофейку попить у тебя...

– В столовой иди пей, а здесь служебное помещение.

– Ну, ты же пьешь...

– Вот сядешь на мое место и тоже кофе пить будешь, а сейчас тебе только чай положен и тот без сахара.

– Тебя забыл спросить... Где банка с кофе? Она здесь всегда стояла...

– Ну, сам посмотри, я откуда знаю. Куда поставил в прошлый раз – там и стоит. Кофе только ты у нас пьешь.

– Если бы только я пил, то он не уменьшался бы с такой скоростью. Опять, наверное, моим кофе секретутку босовскую поил?

– Много она выпьет. Зайдет раз в неделю, а это на твоей банке никак не отразится...

– Хоть раз со своим кофе пришла бы, а то все на халяву ходит везде и пьет.

– Ты мне вот что скажи. Ты сюда пришел, чтобы мне это высказать?

– Нет, я за другим.

– Тогда говори или молча сиди, мне некогда тут с тобой ласы точить, не видишь, я занят?

– Чем это ты, интересно, занят?

– Делами занят, мой юный друг, делами... У меня сейчас гоблины наступать начнут, а я стену еще не достроил и, по ходу, уже не успею. Теперь отряды нужно возвращать срочно, а они все за соседней горой стоят... Короче, дел полно и без тебя. Так что сходи-ка лучше поработай...

- Сейчас схожу. Короче, ты новенького этого где подобрал-то?
- В метро нашел. Он там дипломами торговал, ну, я его к нам и перетащил, а что?
- Да он тормоз полный. Боится всего. Его на прошлой смене поставили на фейс, так он испугался школьников. Не пустил каких-то студенток, так они его своими сумочками забили. Он от них сбежал и в раздевалке сидел, пока напарник за шиворот их не вытащил из клуба. Сегодня опять на него какой-то малолетка наорал, так у того, прикинь, ноги подкосились от страха. Еле устоял, побледнел весь, мы думали, сейчас в обморок брякнется.
- Ни хрена себе, охранничек у нас. И что теперь?
- Ну, я его на девятку посадил пока. Пусть видеонаблюдение контролирует, пока другого не найдем, все равно от него толку нет никакого.
- Да уж. Я думал, с такими габаритами он тут всех распугает. Ладно, пусть там сидит. В случае чего сзади будет стоять и изображать из себя охранника. Если и там не справится, то гони его отсюда.

На следующую ночь начальника охраны разбудил ранний звонок. На улице было еще темно, и, матерясь про себя, он поднял трубку. Взволнованный голос дежурного доложил ему о том, что на клуб было совершено нападение. Начальник тут же быстро оделся и выбежал во двор, где всегда стояла его машина. Через час он уже был на месте.

То, что он увидел, неприятно поразило его. Все в помещениях было переломано и перевернуто. Везде на полу валялась разбитая посуда и остатки мебели. Зеркала и декоративные украшения были разбиты вдребезги. Везде можно было заметить большие лужи крови и клочки разорванной одежды. Начальник прошел в свой кабинет и включил записи камер видеонаблюдения. Через какое-то время у него уже сложилось примерное представление о том, что здесь произошло этой ночью.

Он вызвал к себе охранников и теперь выслушивал их версию произошедшего. Один из бойцов с перевязанной головой начал рассказывать, с трудом подбирая слова:

– Мы стояли на фейсе, когда в клуб хотели зайти два быка из центра. Ну, фейсер их развернул, а они стали быковать, и один из них попытался ударить одного из наших бойцов. Мы их скрутили и выкинули на улицу. Они никуда не ушли, а стали торчать на входе и кому-то звонить по мобилам. Через несколько минут подъехали четыре тачки, и из них выскочили люди. Они сразу же бросились на нас, и завязалась драка. У них были заточенные арматуры и биты. Потом по камерам мы насчитали их двенадцать человек, а нас только семь. Короче, они сначала положили троих наших на входе, а потом бросились в клуб. Там все перебили и остальных ушатали. Мы не смогли ничего сделать. Полицаев, само собой, вызывать не стали, чтобы не было лишнего шума.

- Живы все?
- Все, только в больницу четверых отправили, а трое здесь сейчас находятся. Там врач с ними.
- Нападавших узнали кого-нибудь?
- Да, это центровые. Они пару раз приезжали сюда. Всегда ведут себя по-хамски, и с ними всегда были проблемы, но не такого уровня, как на этот раз.
- Так, ладно, с этим мы разберемся... Вы мне вот что скажите... А кто их ушатал всех тогда, если все наши легли на поле битвы?
- Тут, вообще, непонятка какая-то произошла. Последнее, что я помню, так это то, что они крушили мебель и столы в зале, а мы в коридоре бились недалеко от девятки, там новенький сидел в это время, но он сразу же забился от страха в угол, и на него мы уже не рассчитывали. Потом мне по черепу сбоку прислали битой, и я отключился, а когда пришел в себя, то уже все закончилось. Эти быки все лежат аккуратно упакованные вдоль стены, а новенький

мне нашатырку в нос сует. Ну, я как в себя полностью пришел, то сразу же ему в репу дал. Он с копыт свалился и в нокауте остался. Сейчас, наверное, уже очнулся, урод...

– Кто-нибудь еще видел что-то?

– Нет, там света было мало, почти темнота. По камерам тоже ничего не видно – темно.

– Так, ясно, зовите новенького...

Новичок стоял посередине кабинета среди озверелых людей и боялся пошевелиться. Ему было ясно, что стоит только сказать что-то не так, и эта озверелая толпа его размажет по полу. Поэтому он предпочитал больше отмалчиваться и отвечать только короткими фразами.

– Рассказывай, что видел.

– Ничего не видел.

– Ну, ты же на посту видеонаблюдения сидел. Перед тобой все камеры были, как ты ничего не видел?

– Машины подъехали...

– Так, дальше...

– Драка началась на входе...

– Еще...

– Потом на девятку они пробились.

– А дальше?

– Дальше ничего не помню, они как ворвались на пост, то сразу меня ударили, и я сознание потерял.

– Тебя куда ударили?

– В плечо. Да, еще в челюсть ударили.

– Чего ты мне паришь тут? Тебе в челюсть уже старший смены прислал.

– Может быть, просто я уже не помню, кто меня бил, те или наши...

– На девятке, кроме тебя, был еще кто-нибудь?

– Нет, я один.

– А кто быков уштал?

– Не знаю, это не я...

– Ну, тут и ежу понятно, что не ты. Ты даже гардеробщицу и ту не вырубишь.

Начальник охраны вышел из кабинета и прошел в подвальное помещение, где на полу сидели двенадцать бойцов из центрального района. Они все были в наручниках, и было видно, что с трудом понимают, что происходит. Он осмотрел их и отметил про себя, что лица у нападавших не разбиты и следов крови нет. Это могло означать только одно – центровые быки столкнулись в клубе с настоящими профессионалами и шансов на победу не имели. Оставалось выяснить только одно – откуда в этом клубе появились эти профессионалы, кто они и, главное, где. Среди его сотрудников таких не было. Обслуживающий персонал в расчет не брался. Посетители при виде драки сразу же покинули клуб. По видеоканерам совершенно ничего нельзя было разобрать. Часть аппаратуры была разбита, а те записи, которые сохранились, не давали абсолютно никакой информации. Единственным свидетелем этой странной истории был новичок, но он был очень труслив, и добиться от него каких-то сведений не было возможности. Со страху он мог наговорить все, что угодно, лишь бы от него отстали. Теперь это была загадка, на которую нужно было начинать искать ответ...

Глава 4

- Короче, если не наладишь сеть – можешь валить отсюда на все четыре стороны.
- Я все сделаю...
- Когда ты сделаешь? Через год? Мне завтра нужно, чтобы все уже работало. Тебя зачем сюда наняли? В компьютерные игрушки играть или в «одноклассниках» сидеть? Сколько ты уже здесь работаешь?
- Почти год.
- Почти год... Постоянные опоздания, внешний вид от бомжа не отличишь, компьютеры вечно ломаются, программы летят... Ты, вообще, чем занимаешься здесь?
- Насчет компьютеров я вам говорил еще весной, что все старые и их уже не разгонишь. Они не тянут новые программы – тормозят. И программы нужно лицензионные ставить, а не взломанные. Все равно они нормально работать не будут.
- Ты меня поучи еще, умник. Для этого тебя и взяли сюда, чтобы ты сделал так, чтобы все работало. Если закупать новые компы и лицензионные программы – тогда ты здесь зачем?
- Ну, вы все равно не сможете обойтись без системного администратора. Я здесь по пятнадцать часов на вас работаю – домой только спать приезжаю...
- Решил мне на жалость надавить? Таких, как ты, знаешь, сколько здесь уже было? И еще столько же будет. Короче, если завтра с утра программу не восстановишь – вычту все из зарплаты и выгоню вон. Еще и должен будешь мне за то, что запарол всю систему. У нас на завтра сделка должна состояться – если сорвется из-за тебя, то я все повешу на тебя, все до копейки вытрясу,
- уж поверь мне.
- У меня нет денег.
- Ничего, это ты уже браткам будешь объяснять, потому что должен уже им будешь, а не мне, а они из тебя быстро все выбьют. В крайнем случае, квартиру свою отдашь. Короче, это уже не мои проблемы – я тебе сказал...

Молодой программист сидел за своим компьютером, обхватив голову руками. Что делать, он не знал. Компьютеры не работали и даже не давали каких-то намеков, хотя бы с чего начать. Они не реагировали ни на какие манипуляции, и теперь ему было прекрасно понятно, чем все это для него обернется. Историй о том, как выкидывают из квартир, таких как он, было предостаточно.

В маленькой московской квартире на краю города его всегда ждал один человек. Это был его дедушка. Совершенно больной старичок, который прошел всю войну и послевоенную разруху. Военный китель, висевший в шкафу, был полностью увешан боевыми наградами за прошлые заслуги перед страной. Вся его пенсия целиком уходила на лекарства. Туда же уходила и часть денег, заработанных его внуком. То, что оставалось, тратилось на кое-какие продукты и по возможности на одежду.

Была небольшая надежда, что деду, как ветерану, выделяют обещанную квартиру, но годы шли, а обещания оставались только в телевизоре и на выступлениях депутатов. Они очень мало общались, так как внук большую часть времени проводил на работе, а остальную часть спал, но те редкие минуты, проведенные вместе, были всегда для них на вес золота. Когда выдавались выходные, они выходили на балкон и могли до самого вечера смотреть на небольшой парк напротив дома. Дед рассказывал интересные истории из своей жизни, и счастливей этих двух людей в доме не было.

Внук экономил на всем: потихоньку подключился к соседям в электрощитке, взломал защиту в вайфае из соседнего киоска, на работу ходил пешком даже в самые лютые морозы

и из-за этого частенько опаздывал, но денег все равно катастрофически не хватало. Где раздобыть еще, он не знал и поэтому старался взвалить на себя как можно больше работы.

Вот и сейчас он установил новую программную систему на своей основной работе и по интернету эту же программу установил своим знакомым. Затем одновременно ввел нужные ключи и пароли. Все это он смог проверить благодаря своей новой компьютерной программе. Он работал над ней почти полгода и рассчитывал с ее помощью удвоить свои заработки путем продажи одной лицензионной программы сразу двум покупателям.

Программы несколько минут работали в обеих системах, но защитные барьеры мигом вычислили нарушителя и блокировали сразу все компьютеры, которые были вовлечены в обе сети. Теперь оставалось ждать проблем сразу с двух сторон. Он прекрасно знал, на что идет и чем это все может закончиться. В теории все выглядело очень плохо, теперь оставалось только узнать, как это все будет выглядеть на практике.

Можно было попытаться сбежать, но все его данные были у работодателя, и его поимка была делом нескольких дней. Тем более дома оставался больной старик, которого даже нельзя было транспортировать. Именно поэтому молодой программист и сидел за своим столом и тупо глядел на синий экран своего монитора, на котором красным цветом мигала надпись «ошибка», и все это сопровождалось неприятным режущим звуком.

Впереди у него была целая ночь, которая обещала пролететь как один миг. Он позвонил паре своих друзей, чтобы посоветоваться, но те, едва заслышав, о чем идет речь, сразу же бросали трубки, ссылаясь на занятость. Он был совершенно один, и помощи ждать было неоткуда...

– Чего расселся? Ноги подними... я не собираюсь тут до утра полы мыть из-за тебя... Не слышишь, что ли? Ты оглох совсем со своим компьютером? Эй, ты меня слышишь, нет?

Уборщица ткнула программиста шваброй в ноги, и тот оторвал взгляд от монитора:

– Что?

– Ничего... Ноги, говорю, подними...

– Зачем? Это не поможет... Там или плата сгорела, или вирус хапнул, когда по инету качал...

– Ты чего, совсем уже с ума сошел? Я тебе говорю, ноги подними, я тут мыть буду...

– А-а, ноги... Да, конечно. Хотя, наверное, я лучше выйду в коридор.

– Да, это лучше будет. Погуляй пять минут, а я пока протру все.

– Только, пожалуйста, провода не трогайте...

– Ладно, не буду трогать, только иди отсюда. Вечно с вами проблемы одни. Сидят целыми сутками, как наркоманы. Лучше бы сходил в спортзал или в клуб куда, а то смотреть тошно.

– А вы не смотрите.

– Ты еще здесь?

– Все, ушел...

Через несколько минут уборщица закончила работу, открыла окна, чтобы проветрить, и вышла из кабинета. Программист стоял у окна и смотрел на улицу.

– Можешь заходить, там чисто теперь...

В ответ она ничего не услышала, как будто разговаривала с манекеном. Через пару часов она закончила мыть этаж и собралась уже было пойти переодеваться, чтобы поехать домой, как вдруг заметила, что программист все так же стоит у окна. За все это время он даже ни разу не пошевелился. Уборщица прошла в раздевалку и через десять минут вышла уже переодетая. Она громко крикнула молодому человеку:

– Все, я ушла. Если будешь уходить, то не забудь окна закрыть в кабинете...

В ответ была все та же тишина. Женщина вышла на улицу, и охранник закрыл за ней железные двери. Она прошла несколько метров и обернулась. Программист все так же стоял у окна на втором этаже и не шевелился. Женщина остановилась и на секунду задумалась. Затем она решительно развернулась и направилась обратно к двери: «Понаберут молоко-сов... не соображают ничего, а все туда же... нянчиться теперь еще с ним... а оно мне нужно...? Своих дел полно... поубивала бы всех, честное слово...»

Охранник долгое время не открывал, и теперь пришлось его уговаривать, чтобы он впустил ее снова:

– Да говорю же тебе, совсем из головы вылетело, что еще несколько кабинетов мыть нужно было... Тогда сам иди мой... Нет, ты будешь отвечать... Напиши мне, что отказываешься впускать меня на рабочее место и подпись свою поставь... А я говорю, пиши бумагу официальную, а я завтра с ней пойду к директору... Вот давно бы так, а то, ишь ты, раскомандовался здесь...

Женщина прошла в свою раздевалку и скинула верхнюю одежду. Поднялась на второй этаж и нисколько не удивилась, вновь обнаружив живую статую у окна. Она подошла поближе и дотронулась до его плеча:

– Ну, чего там у тебя случилось-то?
– Сеть полетела, и не одна.
– Дорогое удовольствие?
– Квартиру продать – и то, наверное, не хватит, чтобы расплатиться с обоими предприятиями.
– Директор из-за этого орал на тебя?
– Да, а вы слышали?
– Да тут трудно было не услышать. Я на первом этаже слышала даже.
– Все, мне конец...
– Совсем ничего нельзя сделать?
– Может, и можно, но времени на это уйдет не один месяц.
– А зачем полез тогда в это дело, если не соображаешь ничего?
– Думал, получится. Раньше на дешевых программах получалось, вот решил на серьезных попробовать заработать – уж очень деньги нужны.
– Куда тебе деньги-то? Ходишь вон, как оборвашка...
– У меня дед больной, на лекарства много уходит...
– Ты сам-то когда последний раз в кино был?
– Еще в школе...
– Ну, ясно. Дед воевал?
– Конечно. Он военный у меня. Всю войну прошел, орденов полный китель. Ранения есть...

– Так, а чего это мы тут с тобой стоим? Пойдем-ка ко мне в раздевалку – я тебя чаем вкусным напою, там все и расскажешь. Все равно, как я понимаю, ты ничего не отремонтируешь сейчас, так хоть поговорим, посидим...

– Нет, спасибо, я лучше тут постою. Никогда не думал, что небо может быть таким красивым. Никогда не замечал, что деревья такие величественные и в лужах могут отражаться звезды...

– Это называется – перед смертью не надышишься.

– Точно, так и есть.

– Ну, вот и пошли дышать ко мне. Я все равно уже на метро не успею, так что здесь придется заночевать – вот время-то и скоротаем заодно. Ты мне расскажешь что-нибудь интересное. Для тебя время быстро лететь будет, а для меня медленно – вот оно и отрегулируется у нас... пошли...

- А можно вас спросить?
- Отчего же нельзя? Спрашивай...
- Я думал, что вы пожилая, а вы, оказывается, молодая совсем и красивая. А почему здесь работаете?
- Так получилось уж.
- А хотите, я поговорю со своими знакомыми, и вас на другую работу возьмут – им люди нужны в салон сотовой связи, телефоны и симки продавать?
- Ты со своими проблемами разберись сначала, а потом уже и другим будешь помогать...
- И то верно. Я сейчас и себе-то помочь не могу, а не то, что другим...

Через некоторое время они сидели в полутемной каморке за накрытым столом. Здесь были чай с вареньем и какое-то печенье. Молодой человек выпил уже две кружки, а уборщица все подливала и подливала ему свежего чая. Через какое-то время он неожиданно увидел перед собой блестящую чайную ложку – и сразу же куда-то провалился.

Перед глазами с огромной скоростью стали проплывать какие-то странные тени. Они набрасывались на него и отскакивали, как от стены. Все это продолжалось очень долго, и, когда он открыл глаза, понял, что заснул.

В каморке никого не было, он лежал на небольшой кушетке, заботливо укрытый каким-то старым платком. «Неудобно как получилось. Заснул на ее месте, а она ушла. Наверное, сидела тут рядом, а я ни сном, ни духом...» Он встал и потянулся. Несмотря на ночные кошмары, он чувствовал себя просто прекрасно. За несколько часов сна он хорошо отдохнул и теперь начал думать уже более четко и ясно. В голове стали появляться какие-то мысли, и забрезжила слабая надежда на спасение. Он посмотрел на часы. Рабочий день должен был начаться примерно через час. Можно было успеть еще раз просмотреть ошибки в программе и, если уж очень повезет, то хотя бы начать что-то исправлять.

Программист бросился на второй этаж в свой кабинет. Окна были по-прежнему открыты, и свежий воздух приятно взбодрил его. Он со всего бега запрыгнул в кресло и несколько метров проехал к своему столу. Первое, что он заметил, – это то, что исчезла ужасающая красная надпись «ошибка» и исчез тот неприятный звук. Затем, когда он попытался войти в программу, неожиданно для него это получилось совершенно легко. Он не понял, что произошло. Программист повторил свою попытку и снова не поверил своим глазам – все работало, как часы, компьютер летал лучше прежнего, и от ночного кошмара не осталось и следа. Система сама обновлялась через интернет, и это говорило о том, что лицензионные защиты были пройдены. Тогда молодой человек вставил флэшку со своей хакерской программой, которая должна была помочь ему стать богатым. Он всегда носил ее с собой, но теперь она почему-то лежала рядом с мышкой на компьютерном столе. «Вот я „нуб“, чуть флэшку не посеял. Ладно, хоть не видел никто, а то точно голову бы оторвали». На мониторе забегали какие-то сложные комбинации из цифр.

Неожиданно он остановил программу и, сделав удивленные глаза, поближе придвинулся к монитору. Он знал эту программу как свои пять пальцев, но сейчас видел большой блок, совершенно непонятно, откуда взявшийся, из полосы цифр. Данный блок был настолько сложен и запутан, что сам он никогда бы не смог его создать. Он попытался хотя бы примерно вникнуть в суть, но сразу же запутался и понял, что это намного выше его возможностей и знаний.

Кто-то исправил обе полетевшие системы, восстановил программы, обманул лицензионные защиты и вдобавок исправил его собственную программу. По объему работы здесь должен был трудиться целый коллектив из опытейших программистов с очень серьезными компью-

терами не один месяц, а тем более, что времени у них было не больше трех часов, что делало это просто нереальным.

Программист снова сидел за своим рабочим столом, обхватив голову руками, как и несколько часов назад, только теперь все кардинально поменялось, и это уже была совершенно другая ситуация, и одолевали его совершенно другие мысли. В его собственности находилась флэшка с бесценной программой, которая могла творить чудеса. Теперь можно было забыть о своем нищенском существовании, обеспечить деда-фронтовика всем самым необходимым и даже больше, да и немного подумать о себе. Планов теперь у него было много...

Глава 5

Очень юная директриса проводила очередной педсовет со своим коллективом. В ее кабинете собрались все учителя школы, и она неторопливо прохаживалась вдоль длинного стола, за которым сидели в основном люди пенсионного возраста:

– Я уже устала вам повторять, что ваши совковые методы, которые вы используете со времен вашего Советского Союза, уже очень давно устарели. Никто в мире уже так не работает – это вчерашний день. Забудьте все, чему вас учили в ваших допотопных старых институтах. Вот из-за таких, как вы, вся Европа и Америка смеются над нашим современным образованием. И не нужно меня перебивать, я уже заранее знаю, что вы хотите сказать – зарплата маленькая. Не нравится – уходите на пенсию, я никого не держу, освобождайте рабочие места для молодых перспективных педагогов. Ученики не слушаются – значит, не умеете найти нужный индивидуальный подход к личности. Что вам еще не хватает? Проработали в школе по тридцать-сорок лет, а так ничему и не научились... Ну ничего, я научу вас работать, вы у меня все будете выполнять условия современного образования. Больше не буду с вами нянчиться – чуть что не так, сразу скатертью дорога на биржу труда или на свою копеечную пенсию – вот тогда я посмотрю, как вы проживете, с голода будете умирать – обратно не возьму...

Вся ее речь повторялась слово в слово, как под копирку, каждую неделю. Все уже давно привыкли, что однажды выучив подготовленную завучем речь для педсовета, директор изливала на своих подопечных это произведение, и старые учителя иногда даже вставляли слова, когда руководитель вдруг забывал ту или иную фразу. В самом конце обычно давали слово всем желающим выступить. На этот раз выступающей была преподаватель географии. Она осторожно прокашлялась и негромко начала свою речь:

– Хочется поблагодарить нашего уважаемого директора за все, что она для нас делает. Благодаря ей наша школа получила новое оборудование, и хотя мы пока не можем его использовать в полной мере, все равно приятно осознавать, что наш коллектив находится на хорошем счету, и мы сделаем все, что зависит от нас, чтобы не подвести ее...

Директриса сидела в большом кожаном кресле и с наслаждением слушала бравурную речь. Когда она, наконец, поняла, что ее восхваление уже несколько затянулось, то решила проявить скромность:

– Сейчас не об этом. У вас есть что-нибудь по существу?

– Да, об этом я и хотела как раз поговорить. Мне в класс привезли интерактивную доску и четыре ноутбука для учеников...

– И что же вас не устраивает? Все были бы только рады, если бы им достались такие новинки. Вы-то чем недовольны?

– Дело в том, что за лето в моем кабинете не успели закончить ремонт и там сейчас стоят облезлые стены с таким же потолком. Везде висят провода – даже страшно детей заводить в класс. Старые парты были настолько изношены, что по окончании учебного года их просто выкинули на свалку, а новую мебель так и не завезли. Теперь в этом ободранном классе дети сидят на полу, подстелив под себя старые доски. Компьютеры держат на коленях. И при всем этом на облезлой стене висит дорогущая интерактивная доска.

– Ну, знаете ли... это уже переходит все границы... С таким отношением к работе мы с вами далеко не уедем. Я из сил выбиваюсь, добывая для вас современное оборудование, а вы, неблагодарные, даже палец о палец ударить не хотите. Неужели нельзя было организовать родителей и собрать с каждого ученика по мере возможности на ремонт класса? Это же их дети. Неужели кто-то смог бы отказаться от того, чтобы его ребенок учился в нормальных условиях? Вы сами-то не могли до этого додуматься? Все вам нужно объяснять... Мне таких трудов стоило выбить грант на нашу школу, и что я слышу? Опять недовольны? Нет... Точно

нужно менять весь состав, причем полностью, чтобы зараза не успела перейти на новый персонал... Так работать нельзя, я тоже не железная...

Молоденькая директриса была родственницей кого-то из министерства образования, и здесь она отсиживала небольшой срок, нужный ей для стажа в трудовой книжке. Без этого стажа ей нельзя было занимать важные посты на больших должностях.

Ей нужно было продержаться на этом месте еще с полгода, и тогда уже можно было полностью забыть об этих динозаврах старого образования и вообще о школе, как о страшном и кошмарном сне. На работу она приезжала как на каторгу. Она не могла видеть этих визжащих и вечно орущих детей, этих учителей с их нескончаемыми проблемами, родителей, которые всегда толпились возле дверей ее кабинета. Свою работу в школе она свела к самому минимуму, а именно, раз в неделю ей нужно было провести совещание, и можно было отдыхать до следующего раза.

Но и этот график казался ей уж очень плотным. Она так уставала за эти полтора часа пребывания в своем кабинете, что и весь остаток недели не всегда успевал восполнить потраченные на работе силы. Ей казалось, что она пашет, как загнанная лошадь, а учителя только и делают, что ставят ей палки в колеса да клянчат зарплату. Одним словом, в школе работала только она одна, а остальные были простыми дармоедами, сидящими у нее на шее. Эти неблагодарные старики и старушки постоянно что-то просили, и у нее уже не было никакого терпения выслушивать их заплетающиеся от страха голосишки.

В ее голове постоянно крутилась одна и та же мысль: «Как же все-таки сильно отличаются нормальные люди от этих „замкадышей“. Понаехали из деревень, заполонили всю столицу – уже и поговорить-то стало не с кем. Поскорее бы уж дядя приехал из Сингапура и отправил меня, как и обещал, в Италию на два года по государственной программе обмена опытом с зарубежными коллегами. Иначе долго я здесь не вынесу с этими идиотами...»

Рабочий день уже заканчивался, когда в кабинет трудовика заглянула завуч:

– Как хорошо, что я вас еще успела застать и вы не ушли.

– А что-то случилось?

– Да так, ничего страшного. У физрука сгорели квартира и машина, вот мы и собираем ему материальную помощь – кто сколько сможет. Вы будете сдавать?

– Да, а по сколько?

– Кто как сможет, ну рублей по пятьсот уж, я думаю...

– Хорошо, сейчас принесу... А что, у него сразу одновременно квартира и машина загорелись? У него машина в квартире стояла, что ли? Или это была стиральная машина?

– Вам бы все посмеяться, а у человека горе. Говорят, подожгли ему – наркоманы какие-то. Хорошо, хоть не пострадал никто.

– Это плохо... в смысле хорошо, что никто не пострадал, но плохо, что подожгли... Вот держите – пятьсот рублей, мой обед и ужин сегодняшней. В следующий раз если кто-нибудь погорит, то приходите чуть пораньше, пока я не успел проесть свои суточные деньги...

– Хорошо, пораньше приду, хотя надеюсь, что такого больше не будет...

Трудовик закончил уборку своего рабочего стола и, закрыв мастерские, направился в спортзал. Физрука он нашел в кабинете рядом с большим спортивным залом. Они были не то что друзья, просто на педсоветах и собраниях обычно сидели вместе и время от времени перекидывались едкими шуточками в сторону юной возмнившей директрисы.

– Ты здесь?

– Да, захожу...

– Что там у тебя стряслось-то?

– Да ничего хорошего. Вечно мне больше всех нужно, полез не в свое дело – вот и поплатился. Ладно, хоть детей дома не было, в школе все были, а жена на работе.

– А в полиции что говорят?

– Говорят, что отпечатков пальцев нет, никто ничего не видел, и поэтому возбужденное дело, скорее всего, будет закрыто – у них есть более важные дела, чем искать каких-то наркоманов. А чего их искать – вон они сидят около школы, бери тепленькими и сажай всех.

– А с чего ты решил, что это эти наркоманы?

– Ну, ты машину видел, которая около школы все время стоит, иномарка тонированная вся?

– Конечно, видел... – трудовик сразу понял, о чем идет речь.

Около школы каждый день стояла черная БМВ-семерка с полностью тонированными стеклами. Она приезжала ранним утром и уезжала со своего места поздним вечером. Все знали, что это наркодилеры и у них в любое время можно приобрести товар. Трудовик и сам несколько раз видел, как школьники, проходя мимо машины, на секунду останавливались. Стекло тут же слегка опускалось, в протянутой руке в один миг вместо денег оказывался какой-нибудь паке-тик, и ученик тут же шел дальше, а стекло поднималось. Вокруг школы всегда можно было заметить валяющиеся груды использованных шприцев и скрученные мелкие бумажные деньги, обожженные внутри. Полиция ни разу не появлялась по поводу бесконечных обращений граждан, причем эти обращения в скором времени вообще перестали поступать. Трудовик работал в этой школе около двух лет, и все эти годы машина находилась на своем «законном» месте. Так было всегда, и к этому уж все привыкли.

– Ну, я вечером спортзал закрываю, смотрю, а паренек один все не уходит. Я его уже и так, и эдак, а он все на одном месте стоит. Наконец расплакался и говорит мне, что выйти не может из школы, так как у него денег нет, чтобы заплатить в местный общак за месяц. Оказывается, каждый школьник раз в месяц сдает деньги в общак бандитам, и за это они его не трогают – то есть покупает себе разрешение спокойно ходить по этому району, иначе, говорит, жизни не дают. А сдавать эти деньги нужно старшим в классе, а те уже относят все, что собрали, в эту машину. А если денег нет, то можно взять наркоту и продать, а вся выручка пойдет на уплату этого долга, работать, значит, на них. Ну, вот я вышел из школы, смотрю – машина на месте. Я, значит, к ним... в окно постучал, мне говорят, мол, что надо? А в машине малолетки какие-то сидят. Ну, я руку просунул в окно и за шиворот одного подтянул к себе, говорю, еще раз увижу, что здесь наркоту продаете или деньги со школьников собираете, – головы всем пооткручиваю, а потом еще в госнаркоконтроль позвоню, если полиция с вами справиться не может. А они мне – ну все, мужик, ты попал... прощайся со своей семьей, а еще лучше, вали из города, такие наезды наши старшие не прощают... А на следующий день мне в окно квартиры закинули две бутылки с зажигательной смесью и одну в машину. Каким-то чудом никто не пострадал... Теперь вот, думаю, уезжать придется отсюда. Полиция все равно этим заниматься не будет. Детей вот только жалко, но ничего тут уж не поделаешь. Кстати, помнишь, в прошлом месяце ребенок с крыши упал и насмерть разбился?

– Конечно, помню.

– На самом деле он умер от передоза, и его уже потом скинули с крыши, чтобы не привлекать лишнего внимания. А нам запретили об этом рассказывать.

– А две девочки под новый год с многоэтажки прыгнули, это тоже из этой же серии?

– Да, им потом подкинули записку, типа, несчастная любовь и так далее, а на самом деле они на школьной дискотеке были и решили первый раз попробовать – и вот неудачно, сразу передозировка...

– А ты-то откуда это все знаешь?

– Да об этом, оказывается, все знают, кроме учителей, полиции и тех, кто должен этим заниматься...

- Да уж... дела...
- Вот и я про то же...
- Ты это, вот что... пока не уезжай никуда, может, все образуется еще. А то наломаешь дров, а потом не разгребешь. Больше не лезь никуда, а через месяц посмотришь и потом уже примешь решение. Где жить у тебя есть?
- Да, у жены родня здесь. Мы у них пока остановились. Их бы еще не подставить.
- Теперь они не будут тебя трогать. Что хотели, они получили – ты больше их не достанешь, скорее всего, они отстанут от тебя теперь. Им самим смысла нет с тобой возиться...
- Думаешь?
- Уверен.
- Посмотрим пару дней, а там видно будет...

Через несколько дней в школе был сильный переполох. С утра по коридорам ходили сотрудники полиции и допрашивали учеников и учителей. Никто ничего не мог понять, и после обеда завуч по воспитательной работе собрала весь педагогический коллектив на собрание. Она вопросительно посмотрела на директора и, когда та утвердительно кивнула, начала говорить:

– В нашей школе произошло чрезвычайное происшествие. На нашей территории сегодня ночью погибли четверо молодых людей. Практически подростки, я бы сказала даже, дети, а вот так судьба сложилась. Сидели в машине, отдыхали и задохнулись от выхлопных газов – обнаружили их уже только утром.

– Это не из той ли машины, из которой наркоту продают? – неожиданно раздался чей-то голос.

– Кто это сказал? Я спрашиваю, кто это сказал? Вы видели, что там продают наркотики? Нет, вы видели? Если видели, то почему не сказали об этом полицейским? А если не видели, то нечего возводить напраслину на бедных детей. Среди погибших был сын одного чиновника из муниципалитета, а вы кидаетесь такими обвинениями. Чтобы этого я больше не слышала, и для полиции у всех должна быть только одна общая наша версия. Строго запомните: никто ничего не видел и не слышал. Я правильно говорю?

Она повернулась в сторону директора, и та одобряюще кивнула.

Машина с наркодилерами исчезла, но каково же было удивление учителей, когда через день машина уже вновь стояла на своем старом месте и ученики по-прежнему тянулись к ней с деньгами. Через два дня учителя не смогли попасть на свои рабочие места. Школа была оцеплена сотрудниками полиции. Везде были натянуты полосатые красно-белые ленты. Всюду ходили люди в штатском и опрашивали всех, кого только было можно. Учителя стояли в стороне и тщетно пытались вникнуть в происходящее. Вскоре приехала директриса и прояснила ситуацию. Оказывается, ночью в машине погибли еще четверо парней, и теперь это уже стало походить на какую-то систему. За неделю восемь молодых людей, и все как по графику – ночью и в одной и той же машине. Весь местный отдел полиции и конторщики были подняты по тревоге. Они отработывали всевозможные версии, но понять ничего не могли. Время шло, а результатов не было. Через неделю машина снова стояла на своем законном месте, а через два дня в ней нашли еще четверых.

Глава 6

Трудовик сидел в школьной мастерской и считал деньги, оставшиеся до зарплаты. Судя по всему, средств до конца месяца не хватало, и теперь он тщетно ломал голову, где бы их раздобыть, чтобы не залезать в слишком уж большие долги.

Его мысли прервал звук открывающейся двери. Он повернул голову и неожиданно для себя услышал знакомый голос:

– Все развлекаешься? Не надоело мелочами заниматься – в Робин Гуда играть?

– Вы?? Откуда? Вы же... Как вы здесь?

Отец, а это был он, неторопливо зашел в мастерскую и обвел взглядом владения своего сотрудника – Блока:

– Да... Небогато живете. Пройти-то можно?

– Конечно, проходите... Но... откуда вы?

– Откуда, откуда... Оттуда, куда вы меня отправили...

– Но как??

– Не слишком ли много вопросов? Собирайся, ты мне нужен для серьезной работы...

– Да, конечно, просто в голове пока не укладывается... Вы все-таки сумели выбраться и найти нас...

– Сумел... – Отец прищурил глаза и буквально на секунду задумался...

Часть вторая

Глава I

– Да говорю же тебе, что нет свободных мест в северную экспедицию. Не-е-ет, и не предвидится.

– Ну, может, хоть одно? Я готов вещи нести или продукты там какие.

– Для этого рабы есть. Короче, свободных мест нет – и все на этом. Хотя...

– Хотя? Вы сказали «хотя»?

– Может, и сказал, а может, и нет... Ну, ладно... Одним словом, сегодня последний день, когда римским легионерам разрешено погулять от всей души, и, наверняка, они все отправятся в ближайшие бордели, а с завтрашнего дня начинаются сборы в лагере. Если с кем-то из них случится вдруг неприятность, если, я повторяю «если», кто-то из солдат не сможет пойти в поход, то, возможно, я бы смог посодействовать тебе занять это освободившееся место. Само собой, что это очень опасно и хлопотно, но ради нашей дружбы и твоего уважения ко мне я бы мог попробовать похлопотать...

– Я вас понял, господин, и не подведу.

– Надеюсь, что ты меня понял правильно и не исковеркал смысл моих слов, иначе за это можно поплатиться своей жизнью.

– Я вас правильно понял...

На следующий день обедневший патриец вышел из ворот своего скромного дома и тут же заметил своего вчерашнего собеседника:

– Эй, мирмидонец, подойди.

Тот незамедлительно предстал перед ним, так как ожидал его уже с самого раннего утра:

– Вы звали меня, господин?

– Да, звал, напомни-ка мне свое имя.

– Шати, господин...

– Ах, да, Шати... какое дурацкое имя. В жизни не слышал более идиотского названия.

– У нас у всех такие имена, господин.

– Ну да ладно, это ваши проблемы, хотя мне непонятно, как вообще можно жить с такими прозвищами. У наших собак и то клички лучше будут. Так вот, насколько я помню, ты участвовал в нескольких походах и неплохо зарекомендовал себя. Я не ошибаюсь?

– Нет, все так и есть.

– Ну, хорошо. Сегодня утром освободилось одно место в северной экспедиции. Похоже, что Юпитер и к тебе повернулся лицом.

– А что произошло?

– Легионеры отдыхали в одном из кабаков и немного повздорили с каким-то бродягой. Так тот недолго думая переломал одному из них ноги, и, соответственно, его место сразу же освободилось.

– Вот не повезло бедняге.

– Не повезло, но я сразу же вспомнил о тебе. И если ты еще не передумал, то можешь занять его место.

– Я готов, господин, и никогда не забуду вашу помощь.

– Договор наш помнишь?

– Да, господин. Жалование за два месяца и одну десятую от всего, что смогу привезти с собой.

– Все верно. И давай там поосторожнее – не вздумай погибнуть, а то кто мне вернет все затраты, которые я понес, пока договаривался насчет тебя.

– Все будет в полном порядке. Вы получите все, что вам причитается, господин, и не разочаруетесь во мне.

– Главное, не забудь – одну десятую от всего, что добудешь... Я слышал, там будет очень много золота, ты слышишь? Очень много... А сейчас бери это письмо в одну руку, а в другую возьми свою грязную задницу и бегом неси все это на сенатскую площадь. Там найдешь центуриона четвертой когорты и передашь ему это от меня. Все остальное он сделает сам.

– Спасибо, господин, я привезу столько золота, что вам хватит на всю жизнь...

Через час мирмидонец уже стоял перед грозным центурионом, и тот внимательно его осматривал:

– Я слышал о тебе, Шати. Говорят, что ты обладаешь огромной силой и необузданным характером. Это так?

– Я знаю, что такое дисциплина, господин, а необузданный характер проявляется только к врагам Великого Рима.

– Такой ответ меня устраивает, солдат. Тем более, что ты участвовал в Египетской кампании, а там нам пришлось несладко.

– Зато сейчас мы пьем вволю вино, а трупы наших врагов греют кости в песках пустыни.

– Верно, солдат. А ты хорош... Будешь стоять справа от меня. Сейчас у тебя есть два часа на подготовку, а затем я жду тебя в лагере. И еще один небольшой подарок лично от меня в виде бесплатного совета – возьми с собой мешок побольше, по слухам, там будет столько добра, что свою долю не сможет поднять даже такой сильный легионер, как ты...

– Я понял вас, господин. Спасибо за доверие, я не подведу...

Через десять дней специальный легион римских солдат вышел из тщательно охраняемого лагеря и направился на север с секретной миссией. Благодаря своим былым заслугам, легионер Шати был зачислен в четвертую когорту и теперь всегда находился справа от своего командира-центуриона. Конечная цель задания держалась в строжайшем секрете даже от командиров. Но слухи время от времени просачивались к солдатам, и они обсуждали их и приукрашивали в меру своей фантазии. Так со временем выяснилось, что легион идет по следу когда-то отправленного отряда, который преследовал обоз, состоящий из десятков тысяч повозок с золотом. Рассказывали также, что сопровождали этот обоз небесные силы, а охранял лично царь Аид со своим подземным войском. В когорте ветеранов, наиболее уважаемых воинов, был один солдат, который клялся, что участвовал в том походе и своими глазами видел, как подземный царь отдавал приказ вернуться назад римским солдатам и не преследовать обозы с золотом. Все это сопровождалось оглушительным грохотом и сверкающими молниями. Тогда погибло много римских солдат, и только после этого они получили разрешение от своего командира вернуться и не преследовать обозы. Даже сейчас, рассказывая эту старую историю, он с испугом оглядывался по сторонам и постоянно прижимал к себе свой боевой меч. Из того похода вернулись далеко не все, и история о том, что золото охраняется подземными Богами, не вносила оптимизма в ряды солдат. Эту историю слышали многие, хотя о ней было запрещено рассказывать всем участникам тех событий под страхом смертной казни, но сейчас уже прошло очень много времени, и подробности тех событий нет-нет да и всплывали в рассказах бывалых римских солдат.

Шати с первых же дней службы зарекомендовал себя как солдат, который совершенно не понимает шуток, и несколько его сослуживцев уже ходили по лагерю без зубов. Он хватался за меч по каждому удобному случаю. Если в лагере где-то возникала возня с использованием грязных ругательств и грубой физической силы, то можно было с уверенностью сказать, что Шати уже был там и принимал во всем этом далеко не последнее участие. Со временем все стали держаться от него подальше, и он так и не смог завести себе не только друзей, но и това-

рищей. Разговаривал он мало, все больше слушал и смотрел на окружающий его мир всегда прищуренными от ненависти глазами. Его огромная физическая сила и мастерское владение мечом давали ему возможность жить так, как он хотел, не обращая внимания на окружавших его людей. То, что он приносил много неудобств и хлопот окружающим, его нисколько не смущало, он жил так, как считал нужным, и не собирался ни под кого подстраиваться. Его терпели, так как сильно побаивались, к тому же в бою он был просто незаменим. Командиру достаточно было просто поставить перед ним задачу – и можно было дальше просто забыть об этом. Все, что нужно, Шати выполнял с безукоризненной точностью. Ему было совершенно без разницы, сколько врагов перед ним, один или десять. Он шел напролом и вел за собой своих сослуживцев, которые прикрывались им, как огромным щитом, который прорубал дорогу среди врагов.

Очень скоро его перевели из четвертой когорты в первую, что было большой честью для любого солдата. Теперь, помимо страха, к нему добавилось и уважение среди бывалых бойцов.

А легион все шел и шел на север. По пути встречались разрозненные племена каких-то народов, и весь его путь был усыпан телами погибших врагов. По тому, как командиры уверенно вели отряд среди гор и труднопроходимых лесов, можно было предположить, что у них была очень подробная карта или опытный проводник. Версия с проводником была более правдоподобна, так как Шати несколько раз видел рядом с командиром одного невысокого человека, который всегда был закутан в длинный плащ с головы до ног. Этот человек никогда не участвовал в сражениях и даже наоборот, при любой опасности его сразу же уводили в безопасное место и охраняли как зеницу ока. Рядом с ним постоянно находились несколько охранников, которые не отходили от него ни на шаг. Кто был этот человек, было загадкой для всех без исключения. Поговаривали, что он знает точное местонахождение несметных сокровищ и что он должен был привести их прямо на место. А легиону останется только набить мешки и повозки золотом, а затем вернуться с добычей на римскую землю.

Они шли уже не один месяц, когда прямо перед ними неожиданно возник старый заброшенный лагерь. Это даже был не лагерь, а то, что осталось от него за несколько десятилетий. Огромный ров был уже почти полностью засыпан и зарос высокими деревьями и травой. Деревянные постройки сгнили и превратились в труху. Командир отряда был очень доволен этой находкой, и Шати слышал, как он, повернувшись к человеку в плаще, произнес:

– Ты не обманул нас, и пока все выглядит именно так, как ты и рассказывал.

– Я горд, что служу Великому Риму, господин. Мы прошли только половину пути, а впереди нас еще ждет великая битва и огромное количество золота.

– Мы готовы к битве и вернем все золото до последней монеты, само собой, что мы не забудем и про тебя. Ты получишь все, что заслужил.

– Благодарю вас, господин.

Человек в плаще низко поклонился и сделал несколько шагов назад.

Так как Шати теперь служил в первой когорте, то ему по долгу службы постоянно приходилось быть рядом с высоким начальством, и он видел, с кем встречаются командиры и слышал все, о чем они говорят. Да, этот человек в плаще, несомненно, был проводником, и они шли не наугад, а по конкретному пути.

В заброшенном лагере они остановились на некоторое время. В течение трех дней лагерь был отремонтирован и приведен в совершенно иное состояние. Теперь это уже был настоящий действующий боевой укрепленный пост с глубоким рвом и высоченной защитной стеной со смотровыми вышками и бараками для солдат... Все говорило о том, что здесь они остановятся на некоторое время и наконец-то смогут передохнуть и привести в порядок свою амуницию и оружие.

Но отдохнуть Шати так и не удалось. На третий день пребывания в этом лагере его неожиданно вызвал к себе центурион. Шати незамедлительно прибыл и застыл по стойке смирно

перед своим командиром первой когорты. Тот сидел в своей палатке и внимательно рассматривал карту, лежащую на небольшом столике. Не поднимая головы, он обратился к вошедшему:

– Солдат, если мне не изменяет память, ты был разведчиком в египетской кампании?

– Да, командир.

– Ну что ж, тем лучше. С сегодняшнего дня ты переходишь в подразделение разведки. Ваша задача – патрулирование территории вокруг лагеря и обеспечение безопасности подступов к мосту через ров.

– Да, командир.

– Теперь первая задача – сегодня же со своим старшим выдвигаетесь по маршруту. Тебе ясен приказ?

– Ясен.

– Можешь идти...

Шати вышел из палатки и довольно огляделся по сторонам. Разведка... об этом можно было только мечтать. В то время, как весь легион часами занимался строевой и боевой подготовкой внутри лагеря, разведчики были предоставлены сами себе. Они сутками пропадали за высокой стеной лагеря и могли позволить многие вольности, о которых обычные солдаты только могли мечтать. Легион насчитывал около пяти тысяч человек, и попасть в группу разведки означало только одно – его заметили, и теперь нужно было оправдывать доверие и обязательно закрепить за собой эту должность. Через некоторое время группа из пятидесяти человек покинула лагерь и растворилась в лесу...

Они лежали в засаде уже больше недели, пока наконец-то сумели дожждаться своего счастливого часа... Две лодки под парусами неслись по водной глади, и казалось, что и этот водный караван проскочит мимо как и все остальные, но видимо, что-то пошло не так, и одна из лодок неожиданно опустила парус и плавно закачалась на волнах. Вторая лодка, проплыв несколько сотен метров, также остановилась, и теперь римляне на берегу молили всех Богов, чтобы «добыча» не ускользнула из их рук.

Прошло несколько часов, прежде чем одна из лодок медленно стала приближаться к берегу. Она подошла на расстояние нескольких десятков метров и замерла. Шати видел, как люди на лодке внимательно всматриваются в деревья, которые склонились над крутым берегом, и что-то выжидают. Когда стемнело, командир разведчиков подал знак: всем внимание...

Шати услышал еле уловимый всплеск воды и приготовился. Время замерло, и потянулись долгие секунды ожидания. Вскоре перед разведчиками появилась мокрая фигура человека, который очень тихо выходил из воды. Было слышно только, как капли стекают с его одежды и падают обратно в свою родную стихию. Незнакомец выбрался на берег и замер, вслушиваясь в шорохи леса. Видимо, не услышав ничего подозрительного, он сделал несколько шагов в гущу леса и скрылся за деревьями. В тот же миг он уже лежал на земле со связанными руками и ногами и кляпом во рту. Ничего не нарушило тишину ночного леса. Ни одна веточка не хрустнула во время его задержания. Так же неслышно разведчики с пленным быстро покинули место, на котором провели несколько суток. Через три дня они уже были в лагере. По довольному лицу легата Шати понял, что они попали в самую точку. Странный человек в плаще тщательно осмотрел пленника и повернулся к командиру:

– Это один из них, господин. Я встречал его на рынках в городах, которые находятся недалеко от границ римской империи. Он приведет нас куда нужно. Жаль, что захватили только одного, но ничего, он нам все расскажет.

Легат подошел к центуриону:

– Хорошая работа. Все, кто участвовал в этом захвате, будут отмечены по возвращении в Рим.

Центурион наклонил голову и встал на одно колено, Шати и еще несколько разведчиков последовали его примеру. Пленника увели, и встретиться с ним Шати пришлось только через

двое суток. Командир разведки вызвал к себе своего подчиненного и устало отдал распоряжение:

– Там, в караульном помещении, висит наш речной друг. Сходи и поработай с ним, а я посплю немного, но смотри у меня, не переусердствуй там. Он нам нужен живой. Можешь не заставлять его говорить – просто дай понять, что когда появится центурион, то он должен будет заливаться, как соловей.

– Я понял.

– Все, иди...

Шати прошел через лагерь, где солдаты тщательно наводили чистоту, и вошел в небольшое помещение, которое служило наблюдательным пунктом, на первом этаже которого находилось караулка. Здесь был отгорожен угол, завешенный темным плащом. Откинув занавеску, разведчик оглядел пыточную. Тут он был впервые, и общая атмосфера неприятно поразила его. Вдоль стен сидели и лежали несколько человек. На стенах торчали металлические крюки, а в углу стояла бочка, из которой торчали железные орудия пыток. Нужный человек висел, привязанный за руки под потолком, и, судя по его состоянию, жить ему оставалось не так уж и долго – до того момента, как он выложит все, что нужно легату, и на этом его мучения должны были закончиться.

Шати был в пыточной не больше часа, когда туда ворвался центурион с вытаращенными от негодования глазами:

– Ты чего творишь? Тебе же сказали, что он живой нужен... Он говорить сможет? Он вообще еще соображает или уже нет?

– Да я просто... Я же пугал только...

– Пугал? А ну вон отсюда... Завтра легат сюда пожалует, а ты натворил дел... Чтобы я тебя больше здесь не видел... Ты всех переломал, что ли? Так, у этого ребра сломаны... У этого рука... Здесь челюсть... Тебе же сказали, только с одним поработать, зачем ты остальных-то изувечил? Тебе мало одного? Живодер... Ладно с этими, их хоть сейчас можешь прибить, но новенького-то зачем?

– Случайно, не рассчитал немного...

– Под арест в яму, на трое суток...

– Да, командир...

– Ты еще здесь?

Через пять минут Шати уже сидел в глубокой яме. Она частично была заполнена водой, и ледяная жижа под ногами мгновенно высасывала все тепло человеческого тела. Рядом с ним находились еще двое наказанных. Они здесь были уже больше суток и, судя по всему, сил на борьбу за выживание у них уже не осталось, так как они оба сидели в жидкой грязи и не проявляли никакого интереса к жизни. Тем, кто сидел в яме меньше трех суток, еда и вода не полагались, поэтому рассчитывать на горсть каши, которую ежедневно выдавали в качестве суточного продовольственного пайка, им не приходилось.

Но судьба в очередной раз улыбнулась разведчику. Судя по всему, пленный все-таки заговорил, но заговорил на совершенно незнакомом для римлян языке. Он повторил несколько слов, но его никто не смог понять, и ради этого было объявлено срочное построение всего легиона. Вдоль строгих ровных рядов прохаживались командиры и произносили непонятные слова в надежде, что кто-нибудь из солдат сможет понять этот «проклятый» язык, но легион молчал. Этот пленный варвар говорил на таком непонятном языке, что казалось, можно было сломать язык, выговаривая эти непонятные звуки. Когда легата уже покинула последняя надежда на положительный исход этого общего собрания, откуда-то из-под земли до него донесся еле слышный хриплый голос:

– Я знаю этот язык.

– Кто это сказал? Выйти из строя...

- Я не могу...
- Выйти из строя – это приказ!
- Я в яме, господин, наказан.
- Немедленно вытащите его оттуда...

Через несколько секунд Шати уже стоял перед легатом, вернее даже не стоял, а сидел на земле крепко обняв свои колени. С ног до головы измазанный грязью, вдобавок сильно трясущийся от дикого холода, он дрожащими губами начал оправдываться:

- Я в яме сидел, господин...
- Неважно. Ты сказал, что понимаешь этот язык.
- Да, господин. Это язык северных народов. Я знаю его.
- И что значат эти слова?
- Он спрашивает, что мы хотим от него.
- Ну, тут нетрудно было и догадаться... За мной...

Легат в сопровождении старших офицеров и охраны проследовал в караульное помещение, и Шати еле успевал за ними, с трудом перебирая полусогнутыми замерзшими ногами. Когда он вошел в пыточную, то пленник уже не висел под потолком, а лежал на полу и тяжело дышал.

- Спроси его, кто он такой и откуда родом...

Шати перевел вопрос. Пленник от неожиданности вздрогнул (это заметили все) и начал говорить, но Шати перебил его. Немного поговорив, разведчик доложил:

- Он сказал, что очень далеко отсюда его страна и до нее трудно добраться. Но если мы обеспечим ему хорошие условия, то он готов нам показать дорогу.
- А с чего это вдруг он решил, что мы ищем его страну?
- Я ему сказал, что мы ищем его страну.
- Тебя кто просил языком трепать? В яму его, немедленно...

Не успел Шати и глазом моргнуть, как двое крепких охранников схватили его подмышки и водворили обратно на место отбывания наказания... На этом его счастье закончилось, но уже на следующее утро его снова вытащили из импровизированной тюрьмы.

- Будешь говорить только то, что тебе скажут, иначе сгниешь в яме, ты понял?
- Понял...
- Спроси, где конкретно находится его страна и сколько там проживает людей.

Шати добросовестно все перевел, но неожиданно пленник перестал говорить и демонстративно отвернулся.

- Он не будет отвечать на вопросы, пока мы не создадим ему подходящие условия. Он сын одного из уважаемых людей его страны и требует, чтобы мы обращались с ним соответственно, тогда он ответит на все наши вопросы.
- Хорошо, скажи ему, что он получит все, что ему причитается по его чину...

Через двое суток лагерь был свернут, и легион отправился дальше. Теперь у легата было гораздо больше надежды, что поход закончится грандиозным успехом. Захваченный пленник выдавал любую информацию по первому же требованию своих новых хозяев, и командование теперь планировало по возможности ускорить свое триумфальное возвращение с царскими дарами в Рим.

Шати теперь всюду находился рядом с пленником. Во время длительных переходов они шли рядом и о чем-то разговаривали. Было видно, что молодой человек очень побаивался своего сопровождающего и каждый раз испуганно вздрагивал, когда тот к нему обращался. Эта неразлучная парочка всегда находилась в середине отряда под пристальным вниманием личной охраны легата. Для уточнения некоторых деталей их иногда вызывали к себе высшие командиры раз в день, а иногда и раз в неделю, поэтому они могли чувствовать себя более-менее свободно.

Все шло своим чередом, и легион римских солдат преодолевал один за другим километры трудных дорог по лесам. Здесь уже не было городов и поселений, поэтому последнюю часть пути они шли без кровопролитных битв и потерь. Легат был опытным командиром, и это долгое затишье его теперь сильно настораживало. Ему было проще пробиваться с боями сквозь гущи врагов, чем вот так вот свободно идти и не знать, откуда может прийти беда. Как он и предполагал, неприятности не заставили себя долго ждать...

Однажды утром ему доложили, что проводник, который должен был вывести их на какую-то сказочную каменную дорогу, которая была прямой, как стрела, и соединяла два города, битком набитых золотом, умер... Просто умер. Он лег вечером спать после отбоя, а утром не встал с подъемом. Врачи констатировали смерть во время сна от остановки сердца. При более тщательном осмотре они обнаружили на его подошве две едва заметные маленькие красные точки. Это вполне мог быть след от укуса какого-то неизвестного насекомого или змеи. На этом следствие было закончено, и другие версии уже не рассматривались. Теперь самым ценным человеком в лагере оставался пленник. Он в очередной раз ткнул пальцем в карту перед легатом и сделал шаг назад:

– Здесь...

– Прошлый раз ты показывал немного правее.

– Если идти правее, то там дорога лучше, но по времени это займет еще пару месяцев.

– Хорошо. Если твои данные не подтвердятся, то ты будешь умолять меня о смерти, но я не сделаю тебе такой милости...

– Мне нечего скрывать, вы ведь отпустите меня, когда мы придем домой?

– Конечно, отпущу, только переговорю с вашим вождем или кто там у вас, и сразу же отпущу...

– Мой отец заплатит вам много золота за то, что вы сохраните мне жизнь.

– Я знаю... Теперь можешь идти.

Пленник вышел из палатки, и сразу же четверо рослых солдат встали у него по бокам. Шати также не отставал от своего напарника, и неразлучная шестерка отправилась к своей палатке.

С каждым днем становилось все холоднее и холоднее, а однажды ночью выпал глубокий снег, и легат принял решение строить зимний лагерь, так как передвигаться было уже практически невозможно. Солдаты неделю строили бараки и рыли рвы. Все силы легиона были брошены на строительные работы, и стройка кипела круглые сутки.

Шати первым услышал звук трубы, означающий всеобщее построение на ужин. А так как ужин включал в себя и завтрак, и обед в одном виде, то это означало, что нужно было спешить, иначе запросто можно было остаться голодным на целые сутки. Ровные шеренги солдат замерли на плацу в ожидании раздачи пищи. Два помощника тащили огромный котел с еле теплой кашей, а главный повар черпал половником это месиво и вываливал в протянутые ладони солдат. Суточная норма еды составляла ровно столько, сколько могло уместиться в сложенных ладонях. Шати в этом случае очень повезло. Его огромные ручки вмещали двойную, а по завистливым взглядам сослуживцев, и тройную норму, и в связи с этим он всегда чувствовал себя немного сытнее остальных. А вот его напарник-пленник очень страдал из-за своих миниатюрных рук. То, что ему насыпали в ладони, он съедал за считанные секунды и потом провожал голодным взглядом исчезающую еду у остальных. Он не привык к таким суровым походным условиям и сильно страдал от недостатка пищи. Однажды от голода у него даже закружилась голова, и ему пришлось срочно присесть на землю, чтобы не упасть в обморок. Легионеры, охранявшие его, весело переглянулись:

– Если у них все такие солдаты, то проблем с нашим золотом не будет...

– Точно, тут не нужен легион. Можно было и одной когортой обойтись...

Солдаты весело засмеялись своим шуткам и поудобнее оперлись на свои длинные копья, ожидая, когда же наконец этот слюнтяй придет в себя. Однако этот голодный обморок вызвал приступ веселья далеко не у всех. Шати же, наоборот, неожиданно глубоко задумался. Этим же вечером, после отбоя, он осторожно подошел к месту, где пытался уснуть пленник:

– Не спишь?

– Успнешь тут, есть хочется, того и гляди желудок в трубочку свернется. И как вы можете так долго нормально не есть?

– Это, брат, целая наука. Тут нужно с раннего детства тренироваться.

– Это понятно... Слушай, я так и не пойму, а чего от меня вашим командирам нужно? Спрашивают какую-то ерунду все время и довольные улыбаются.

– Тебе пока не нужно этого знать. Твое дело обстоятельно отвечать на те вопросы, которые я тебе задаю, и в точности выполнять все мои распоряжения.

– У меня складывается такое ощущение, что ты неправильно переводишь.

– Тебе какая разница? Вообще можешь говорить все, что хочешь, главное, говори и делай вид, что отвечаешь мне...

– Ясно... А куда мы идем?

– К вашему Городу.

– Какому еще нашему Городу?

– Не прикидывайся, ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. И еще... В следующий раз, когда тебя подведут к карте, покажешь чуть севернее место от прошлого раза, там где лес пересекает глубокий овраг, ты понял?

– Понял, а зачем?

– Затем. И не удивляйся, если после этого тебя немного побьют. Ты им нужен живой, поэтому до смерти не забьют, попугают только – и все...

– Ладно, не в первый раз... Только сильно не бей, а то в прошлый раз ты мне чуть ногу не оторвал, когда над головой меня крутил.

– Не бойся, не оторву, но в этот раз тебе достанется немного сильнее, чем раньше.

– Да зачем все это?

– Нужно, пока ничего тебе не могу сказать, но придет время, и ты все узнаешь. Кстати, вот возьми это, положи под язык и рассасывай.

– Что это?

– То, что даст тебе чувство сытости и придаст сил.

– Давай.

Шати протянул пленнику маленькую грязную таблетку, и тот сразу же закинул ее себе под язык. Он сильно побаивался Шати и поэтому беспрекословно выполнял все его «дурацкие» приказы.

Через два дня их снова вызвали в палатку легата. Командиры стояли перед большой картой, составленной еще, так внезапно умершим, проводником, и слушали очередной рассказ пленника. Наконец, один из них не выдержал и обратился к Шати:

– Переведи ему, что если он собирается нас дурить, то я отрублю ему голову прямо здесь...

Шати перевел, но пленник даже глазом не повел. Он что-то увлеченно рассказывал и чем дольше он говорил, тем краснее становилось лицо у его переводчика. Когда же он закончил, то Шати вместо того, чтобы перевести его речь, быстро подскочил к своему подопечному и со всей своей нечеловеческой дури ударил того в челюсть. Пленник отлетел, как мячик, на несколько метров и распластался на земле. А Шати уже был рядом. Он неистово стал бить ногами его тело и кричать на всю палатку:

– А ну, повтори, что ты сказал... Еще раз повтори... Где ты видал римлян...? Куда командир должен тебя поцеловать, чтобы ты ему ответил...?

Охранники бросились оттаскивать взбесившегося Шати от своей жертвы, но было уже слишком поздно. Пленник лежал без сознания и еле дышал. В палатку был срочно вызван врач, который сухо констатировал:

– Если в течение трех суток не умрет, то будет жить... но шансов мало.

Легат, стоявший рядом, резко повернулся и что есть силы ударил рукояткой своего меча Шати по лицу. Тот отшатнулся и схватился за сломанный нос, из которого ручьем хлестала кровь.

– В яму...

Однако через неделю Шати вновь понадобился руководству. Пленник очень медленно стал приходить в себя, и снова потребовался переводчик. Просто так с единственной ниточкой, связывающей легион с целой горой золота, прощаться не хотели, и начался новый этап построения диалога. Неделя, которую Шати провел в яме, не прошла для него даром. Он наконец-то осознал, что гнев, из-за которого он терпел столько мук, был главной его бедой, и судя по всему сделал для себя соответствующие выводы. Теперь он был покладист и дисциплинирован. Во время допросов все время стоял по стойке смирно, опустив глаза в землю. Через некоторое время его вытащили из земляного карцера и отправили на работы по укреплению лагеря. Он по-прежнему каждый вечер умудрялся передавать пленному маленькие таблетки, благодаря которым тот чувствовал себя намного лучше и, главное, сытнее.

С первыми же признаками весны римский легион вышел из зимнего лагеря и направился по маршруту, проложенному разведчиками, которые всю зиму рыскали по всей тайге и прокладывали отметки будущего пути. С каждым новым переходом пленник становился все мрачнее и мрачнее. Римские солдаты приближались к его родным землям, а он ничего не мог сделать. Легат видел изменения в его душевном состоянии и был доволен собой. Он читал насквозь этого мальчишку, хотя и не понимал ни слова из того, что тот говорил. Потухший взгляд пленника показывал, что они на правильном пути и осталось совсем немного, чтобы силой оружия забрать все, что им причитается по праву только потому, что они римляне.

Пленник теперь был не особо важен. Охранявшие его солдаты были возвращены в караулы, и он мог практически свободно передвигаться по территории ночных лагерей, когда легион останавливался на ночлег. По законам военного устава римляне каждую ночь строили новый лагерь с обязательным рвом и защитной стеной. Внутри этого лагеря пленник мог находиться в любой точке, но во время переходов ему было предписано обязательное место рядом с повозками, в которых перевозились палатки и хозяйственный скраб.

Однажды поздним вечером, когда до отбоя оставались считанные минуты, Шати заглянул в походную палатку пленника:

– Ты здесь?

– Здесь.

– Быстро за мной...

Они проскользнули позади конюшен и, низко пригибаясь к земле, проследовали к высокой бревенчатой стене. Здесь Шати выбрал удобную минуту и, воспользовавшись своей огромной силой, чуть отодвинул бревно, освобождая небольшую щель:

– Слушай меня внимательно. Вот одежда... быстро переодевайся, а свою отдай мне. Затем ты пролезешь в этот проем и спустишься в ров. Там повернешь направо и поползешь до веревки. Дождешься полной темноты, поднимешься, веревку не забудь с собой забрать. Затем пройдешь через лес к своим – у тебя будет десять дней пути. Предупредишь Воеводу, что к ним идет римский легион, пусть встречают... Ты все понял?

– Понял. Откуда ты знаешь Воеводу и почему он должен тебе довериться, может, это засада?

– Скажи ему, что это передает Чемпион.

– Чемпион?

– Да, он знает...

– У нас много чемпионов...

– У вас, может, и много чемпионов, а в Капуи у нас был только один, и это я.

– Я слышал одну легенду про Чемпиона, который бросил вызов самому Великому РоМу на арене.

– Да, это был я.

– А ты не слишком ли молод для того Чемпиона?

– Просто хорошо сохранился...

– Ты ведь проиграл тот бой?

– Так было нужно... А теперь иди. И вот еще что... Возьми эти штуки и ешь их по одной каждый день – это специальное питание, оно поможет тебе.

– А что будет с тобой?

– Если ты успеешь все передать, то я постараюсь остаться в живых. А если ты погибнешь по пути домой, то и я, и многие наши люди расстанутся с жизнью, так как легионеры никого не пощадят, а нападение будет неожиданным. И хорошенько запомни, что римляне ни при каких условиях не должны войти в Город, а главное вернуться назад в Рим... А теперь иди...

Пленник мигом проскользнул в проем, а Шати задвинул бревно на место и закрыл за ним щель. Через несколько минут он уже был на всеобщем построении. Ночью он проснулся из-за того, что несколько человек ворвались в палатку и мгновенно связали его. Сквозь заплывший от сильного удара глаз, он сумел разглядеть своего центуриона. Тот медленно прохаживался вдоль тряпичных стен палатки и ждал, когда Шати придет в себя. Наконец он заметил какое-то движение и сразу же, не теряя зря времени, начал выяснять:

– Где он?

– Кто?

Вместо ответа на вопрос сильный удар заставил заплывать второй глаз.

– Где он?

– Его нет.

– Ты убил его?

– Так получилось.

– Я так и знал...

– Он плохо отзывался о Риме, вот я и не стерпел.

– Где тело?

– Сбросил в ров.

Центурион повернул голову в сторону своих помощников:

– Все обыскать...

– Да, господин...

Через десять минут в палатку занесли изувеченное тело молодого человека. Его лицо было изуродовано до такой степени, что узнать, кто это, было совершенно невозможно. Центурион откинул тряпку, покрывавшую тело, и сразу же брезгливо накрыл обезображенное лицо кровавой материей:

– Выбросите обратно, а этого в клетку, до особого распоряжения легата. Похоже, солдат, ты закончил игры с судьбой, теперь никакие былые заслуги тебя уже не спасут...

Через минуту Шати уже сидел в клетке. Это был грубо сколоченный из толстых брусков ящик метр на метр. Находиться в нем можно было только сильно скрючившись, прижав колени к груди, и уже через десять-пятнадцать минут все тело начинало ломить и затекать. Первые сутки он еще как-то пытался терпеть, а на вторые, когда силы уже были на исходе, он начал выть от нескончаемой боли в теле. Ночью его вытаскивали и клали на землю, чтобы он хоть немного пришел в себя. Рядом с ним в это время даже не было охраны, так как за те короткие минуты отдыха, проведенные вне клетки, он даже не успевал распрямить затекшие ноги

и спину. Через какое-то время его, такого же скрюченного, заталкивали обратно, и через десять минут весь лагерь снова начинал оглашать его звериный вой, от которого сердце стыло в груди и леденела кровь в жилах. Этот кошмар длился уже вторую неделю. Шати же казалось, что прошло уже несколько месяцев. Он совершенно потерялся во времени и пространстве. Все, что он видел, – это деревянные столбы его малюсенького ящика. Он уже не помнил, когда его кормили в последний раз и выпускали на волю. Он не знал, день сейчас или ночь, стоит на месте его обоз или движется. Все слилось в единую нескончаемую волну боли, отчаяния и горя.

Но однажды ранним утром этот нечеловеческий вой внезапно прекратился и наступила тишина. Солдаты, стоявшие в карауле, облегченно вздохнули: «Отмучился, бедолага». Но эта долгожданная тишина продолжалась недолго. Этот уже всем изрядно надоевший арестант стал изо всех сил колотить по деревянным доскам локтями и головой. И хотя его стучание было не таким противным и утомительным как вой, все равно выводило из себя легионеров. Его клетку всегда ставили недалеко от выхода из лагеря, чтобы каждый мог видеть, что случается с теми, кто нарушает дисциплину, и всем, кто покидал охраняемый лагерь, приходилось проходить мимо него. Каждый раз, когда группа разведчиков отправлялась на задание или на поиски продовольствия, Шати начинал свою истерику в клетке. Затем успокаивался, и его не было слышно до следующего раза.

Но с недавних пор в лагере стали происходить странные вещи. Группы разведчиков, покидавшие лагерь, больше не возвращались обратно. Они регулярно уходили в дозоры и на патрулирование территории, и на этом – все, больше о них никто и никогда уже не слышал. Отряд разведки редел с каждым днем, и в лагере опять стали поговаривать о подземном царе Аиде. А Шати продолжал методично биться в клетке, провожая каждого смельчака, осмелившегося покинуть лагерь. Вокруг ночного лагеря теперь всегда можно было чувствовать чье-то невидимое присутствие. Из темного леса через защитную стену доносились постоянные шорохи и какое-то перестукивание. Казалось, что там во тьме ходил кто-то таинственный и невидимый и стучал по деревьям, распугивая лесных обитателей этих негостеприимных земель...

Шати приоткрыл глаза и заметил группу разведчиков, которая осторожно покидала лагерь. Он тщательно их пересчитал и тут же забился в истерику. Его нога методично отбивала определенный ритм:

– Двенадцать римлян. Северные ворота. На лошадях. Идут налегке...

И тут же из глухого леса до него донесся едва уловимый ответный стук:

– Принял... Встречаем...

Вот уже несколько дней Шати полностью контролировал главные ворота лагеря, и ни один солдат не мог выйти за оградительный ров незаметно. Каждый раз в ночном лесу встречали непрошенных гостей, которые внезапно исчезали и затем вычеркивались из списков легиона.

Это все уже изрядно надоело легату, и он принял решение очистить лес и будущую дорогу от всего, чего бы там ни было. Две вооруженные с головы до ног когорты вышли из лагеря с намерением сразу же вступить в бой с невидимым противником. Их не было больше суток, а по истечении выделенного времени они все до единого вернулись в лагерь. Опытные воины не смогли обнаружить никаких следов пребывания в лесу посторонних, и тайна исчезновения римлян так и не была раскрыта. Однако легата несколько не удивило, что посланная на следующий день группа разведки опять словно испарилась. Теперь легиону приходилось идти вперед без проложенных следопытами дорог, и скорость движения сильно упала. Переходы были короткими, но занимали очень много времени. Солдаты шли вперед, готовые в любой момент вступить в бой. Они были в боевом облиии с полным комплектом метательных копий и всего остального. Единственное, что радовало бывалых римлян, – это то, что они уже практически были на месте, и еще буквально два-три дня – и все станут обладателями несметных сокровищ.

Рано утром весь легион был поднят по тревоге. Караульные солдаты сразу же заняли свои боевые позиции на смотровых вышках, а римские когорты ошетинились копьями и закрылись щитами. Все ожидали внезапного нападения, и мертвая тишина зависла над еще только пробуждавшимся лагерем. Пять минут назад караульный офицер доложил легату, что арестованный легионер Шати сумел тихо выломать клетку и незаметно покинуть охраняемый лагерь. Возмущенный легат незамедлительно отправился на место происшествия лично в сопровождении своих помощников и был неприятно удивлен, увидев, что клетка была просто разогнута. Толстые палки были выгнуты огромной силой до такой степени, что в образовавшуюся щель мог запросто пролезть человек. Поиск по лагерю не принес никаких результатов, и только сбитая с травы утренняя роса указывала на то, что сбежавший арестант сначала направился к забору, а затем с легкостью сумел через него перебраться. Самым удивительным было то, что ни караульные на стенах, ни патрулирующие ночной лагерь охранники не видели и не слышали ничего подозрительного. За беглецом сразу же была отправлена погоня, но десять разведчиков, как обычно, канули в лету. На всякий случай в лагере была объявлена боевая тревога...

Глава 2

- Подождите, положите меня на землю, я передохну немного.
- У нас нет времени...
- Пара минут роли не сыграет.
- Хорошо...

Четверо крепких молодых парней осторожно опустили носилки на землю, и Шати медленно перевернулся с одного бока на другой:

- Так-то оно получше будет.
- Что, совсем тяжко?

– Ничего, терпимо. Пару суток придется отлежаться, а потом ноги и спина начнут потихоньку разгибаться уже. Скоро наперегонки с вами бегать буду...

Шати, свернутый в клубок, лежал на земле и не мог даже повернуть голову в сторону. Его, такого скрюченного, и несли на себе уже вторые сутки его новые знакомые. Онемевшее тело совершенно не слушалось и причиняло невероятную боль при любой попытке сделать хоть какое-то движение.

- Далеко еще?
- Два дня – это если не будем часто останавливаться.
- Понятно... Тогда поехали.
- Да лежи еще немного, а то кони двинешь еще по дороге. На тебя смотреть страшно.
- А ты не смотри, твое дело носилки тащить.
- Ну-ну...

Носилки снова взвалили на плечи, и Шати заколыхался в такт бегущих людей. Через какое-то время его покормили, напоили водой, и они вновь отправились в свой путь. Еще на подходе к Городу Шати заметил некоторые преобразования дикого леса. Он, как опытный разведчик, сразу же отметил про себя, что ветки на верхушках высоченных деревьев сплелись так удачно, что по ним запросто можно было передвигаться подготовленным людям, и их совершенно невозможно было бы увидеть с земли. Также от его опытного взгляда не ускользнули несколько наблюдательных постов, замаскированных под кучи поваленных от ветра и времени деревьев. Все говорило о том, что они уже близки к конечной точке своего путешествия.

Наконец, лес неожиданно закончился, и носилки выскочили на залитое солнцем свободное пространство. Перед ними раскинулось широкое озеро, а вдали стояла высоченная нескончаемая каменная стена. От удивления Шати даже сумел частично повернуть голову, чтобы получше рассмотреть это удивительное чудо света.

- Вот это да-а-а... – только и смог он выговорить.

Ему было отчетливо ясно, сколько сил и времени было положено на эту стройку. И он не смог сдержать своего восхищения перед мужеством и упорством некогда близких ему людей. Они погрузились на скоростные катамараны и полетели подгоняемые ветром по водной глади к главным воротам Города. Огромный мост еле просматривался вдали, и они направили свое плавучее средство именно в его сторону.

Несколько часов заняло водное путешествие, прежде чем путники снова ступили на твердую землю. Судя по всему, их здесь ждали, так как только они прошли сквозь крепкие городские ворота, как их сразу же обступила огромная толпа. Шати лежал на земле, а вокруг него стояли люди и рассматривали его, как какую-то забавную зверюшку. Шати скрипел зубами и ждал, когда же наконец-то это все закончится. Ему казалось, что эти смотрины никогда не прекратятся. Через какое-то время рядом с ним остановился на вид очень важный человек. У него на поясе висел дорогой меч, украшенный золотом и драгоценными камнями. Он пристально рассматривал Шати и наконец произнес:

– Очень похож, только молодой чересчур уж больно...

– Ты глаза получше протри и посмотри внимательнее. Забыл, как в кандалах сидел в Капуи, а я тебе воду носил? – тут же отреагировал Шати.

– Точно он... Чемпион...

– Наконец-то... хоть один вспомнил. А где бригадиры и старейшины?

– Да все здесь, сейчас только тебя осмотрят наши доктора, а потом уж со всеми встретишься. Чего же сразу с нами не пошел еще тогда?

– Дела были дома, вот как все закончил, так сразу и пошел за вами.

– А почему с римлянами пришел, а не один?

– А как я, по-твоему, должен был один через тысячи километров по диким лесам идти? Вы-то все вместе ушли.

– Ладно, потом договорим, а сейчас несите его в санчасть.

Шати погрузили в повозку, и уже через несколько минут он был в белоснежной палате. Врачи в чистейших белых халатах трогали его пульс и пристально заглядывали в глаза.

– Да уж... Свит завел и здесь свои порядки. Все как раньше...

Пока врачи осматривали нового пациента, в коридоре собралась уже приличная очередь. Двери то и дело открывались, в проем просовывалась чья-нибудь взлохмаченная голова с неизменной репликой:

– Привет, Чемпион. Помнишь меня? Я был бригадиром второй бригады...

– Привет, Чемпион. Помнишь меня? Я – разведчик из команды РоМа...

– Привет, Чемпион. А меня помнишь? Мы с тобой играли в одной волейбольной команде...

Под окнами больницы также было не протолкнуться. Казалось, весь город собрался здесь, чтобы встретиться с живым посланием из своего далекого прошлого.

Вечером Шати перенесли в зал заседаний. Старейшины все еще с некоторым недоверием посматривали на своего бывшего друга и еле слышно перешептывались. Наконец начался Совет, и бывшему чемпиону пришлось долгое время отвечать на подробные вопросы главных руководителей Города. Он в мельчайших деталях рассказал все, что произошло с ним за последние тридцать с лишним лет, а в конце все предалось неизбежным в таких случаях воспоминаниям. Чемпион сильно отличался от всех своих товарищей молодостью, чем бесконечно удивлял их. Но несомненно, это был он, и все очень радовались, что он, спустя столько лет, присоединился к ним в новой жизни, о которой они все и мечтали еще будучи рабами в древнем римском городе Капуи.

В зале было шумно и весело, и только один человек все время молчал и за весь вечер не задал ни одного вопроса. Это был старик в надвинутом на лицо плотном темном капюшоне. Он сидел дальше всех в одном из слабо освещенных углов и внимательно слушал рассказ вновь прибывшего. Разговор затянулся до поздней ночи. Когда все закончилось, Шати вновь отнесли в больничную палату и положили на кровать. В эту ночь он не спал. Он лежал, свернувшись клубочком на жесткой постели, и ждал... Он ждал появления того, ради кого проделал весь этот трудный и такой опасный путь. И ожидания его не обманули...

Глава II

Дверь в палату еле слышно приоткрылась, и внутрь проскользнула чья-то тень. Шати был готов к такому раскладу и с трудом повернул голову в сторону появившегося незнакомца:

– Значит, я не ошибся... Вы, действительно, здесь...

– Зачем ты пришел?

– За вами...

– Если бы я посчитал нужным вернуться, я бы вернулся сам...

– Нет, вы не сможете вернуться без меня. Капсулы возвращения обнулены.

– Ах, вот как? Интересно, а зачем тогда я вдруг понадобился нашим большим друзьям?

– У них очередное задание для вас, а надлежащим образом подготовить группу и разработать план операции можете только вы.

– Мне это неинтересно...

– Послушайте, Отец, все отправленные группы зависли во времени. Они не могут вернуться без вашей помощи и теперь обречены.

– Они не обречены, вернее, если отключить возвращение, то каждый, кто попал в измененное время, обречен на бессмертие.

– То есть они будут жить вечно?

– Да, если, конечно, не умрут насильственной смертью.

– Получается, что все они сейчас живут в нашем времени?

– Получается, что так...

– А почему они тогда до сих пор не вышли на связь? Ни один не вышел...

– Может быть, потому, что просто не хотят?

– Не хотят? Я тут с ума схожу, а они не хотят?

– Ну, или погибли на задании, или еще где... Ладно, пока отдыхай. Завтра поговорим, все расскажешь мне в подробностях...

Отец так же еле слышно проскользнул к двери и, уже закрывая ее за собой, вполголоса произнес:

– И это... Добро пожаловать домой, Шаттен...

Как Шаттен и обещал, через двое суток он уже был на ногах и мог, хотя и с большим трудом, но все же самостоятельно передвигаться. В каждом доме он был самым желанным гостем, и теперь Отцу было очень сложно его отыскать, так как каждый житель Города считал своим долгом пригласить Чемпиона к себе домой. Несколько дней ушло только на то, чтобы посетить самых близких друзей. Когда Отец встретил Шаттена в очередной раз, тот уже почти полностью оправился от своего болезненного состояния. Они сидели вдаль от всех, вдвоем на высокой стене в сторожевой башне, откуда открывался красивейший вид на реку, и неторопливо вели беседу:

– Ты сколько уже здесь находишься?

– Лет пятнадцать. Пришлось хорошо зарекомендовать себя в римской армии, чтобы попасть в северный легион, который отправлялся в эти края.

– А с чего взяли, что я должен быть именно здесь?

– На базе отследили время последней отправки и просто ткнули пальцем в небо, наугад. Шанс был один из ста, но это сработало...

– Так что там с группами?

– Раскидали всех, кого куда, а как возвращать, никто не знает. К тому же аппарат стал работать, как мне сказали, «некорректно». То есть в одну сторону.

– Команда Блока на задании?

– Нет, он сумел вывести всех из-под наблюдения и залечь на дно. Они теперь – слиперы (сленг – слипер (англ. Sleep – спать, разведчики годами живущие под прикрытием и ждущие особого приказа для выполнения заданий).

– Значит, только твоя группа висит во времени?

– Не только... Были еще какие-то гражданские. Их посылали на экскурсии по знаменательным датам.

– Без сопровождения?

– Да, совершенно одних. Но куда именно, я не знаю...

– Кто сейчас рулит?

– Этого тоже не знаю... Что-то вроде Мирового правительства. Кстати, базу перенесли в другое место.

– Как это наши боссы отдали аппарат вот так запросто?

– Не отдали, а сдают в аренду. Сейчас вот за выполнение очередного задания они получают Крым.

– Так Крым теперь у нас? А как же Мировое сообщество?

– Они-то его и отдали нам под каким-то дурацким предлогом, хотя и делают вид, что очень недовольны... Там у них свои игры. Я знаю только то, что мне нужно передать вам.

– Где именно теперь находится база?

– Где-то у берегов Сомали, на одном очень хорошо охраняемом острове. Там эту базу готовили заранее много лет под видом борьбы с сомалийскими пиратами, там сейчас находится половина американского военного флота, да и наши корабли везде там стоят так же. Так что место охраняется получше, чем золотой запас любой страны. А мне сказали, что у вас с головой не все в порядке, и придется силком тащить обратно. Вас ведь пропустили через компьютер стирания памяти, мне так объяснили...

– Грош мне цена была бы, если бы я не мог обмануть каких-то идиотов-штабистов. А компьютер я сам настраивал и поэтому прекрасно знал, что нужно делать и когда делать.

– Ну, я вижу вы все еще в силе, значит, еще поработаем?

– Я подумаю... Пока можешь отдыхать и восстанавливаться и, кстати, побольше загорай на солнце – говорят, сильный загар старит кожу, а то для шестидесятилетнего воина ты слишком молодо выглядишь. Это друзья могут тебе поверить, но вот люди со стороны сразу же заподозрят что-то неладное...

– Хорошо, я буду тогда сильно хмуриться, чтобы появились ранние морщинки, и бороду отращу...

– Вот насчет бороды – это ты хорошо придумал. Отрасти и подлиннее...

– А что там с римским легионом?

– Все хорошо. Потихоньку прессуют. Туда выдвинулся отряд разведчиков. Планомерно отстреливают солдат. Через сутки будет смена караула – если хочешь размяться, то можешь сходить с бойцами, заодно подучишь их немного, поделишься, так сказать, своим боевым опытом.

– Схожу, отчего ж не сходить-то...

– Сильно там не высывайся, не чужой, чай, человек...

– А когда обратно?

– Я еще не решил вообще, буду возвращаться или нет...

– На базе предполагали такой вариант развития событий и, чтобы подстраховаться, просили передать вам посылку.

– Давай...

Шаттен поднял левую руку, а в его правой руке сверкнуло острое лезвие. В один миг он распорол себе кожу подмышкой и извлек оттуда небольшую белую капсулу. Тщательно обтерев ее от крови, он протянул послание Отцу. Тот тщательно осмотрел ее на герметичность и, разломав тонкую оболочку, вытащил на свет маленький свернутый кусочек пластика с какими-то цифрами. Шаттен видел, как неожиданно резко прищурились глаза Отца и побелела рука, сжимающая послание:

– Они все-таки добрались до нее... Как они вышли на ее след?

– Я ничего не знаю. Только передаю посылку – и все. Так мы возвращаемся?

– Да... Но не сейчас... Мне нужно продумать различные варианты.

– Там что-то серьезное?

– Более чем...

– Ну, тогда сами решайте, все равно мое возвращение полностью зависит от вас. Только вы сможете вытащить меня отсюда, так как я так же, как и все, теперь буду висеть во времени, пока вы не нажмете на свои кнопки на компьютере... Вы ведь сможете вернуться с новой капсулой?

– Да, я сам настраивал свою отправку и возвращение, и поэтому смогу вернуться...

– Ну, тогда теперь все будет зависеть от вас... Кстати, римлян лучше пока не трогать, там несколько когорт лучников – это серьезная сила. Нужно выждать пару дождливых дней и только после этого приступить к ликвидации отряда...

– Ну, значит, ты и займешься этим. Сегодня на Совете тебе поставят эту задачу, а что делать и как, ты знаешь лучше, чем кто-либо...

Римский отряд был зажат в огромном овраге. Спереди и сзади бушевал сильный пожар, а отвесные земляные стены не позволяли покинуть эту природную ловушку. Разведки не было, поэтому у легиона было только направление, которое он и старался выдерживать. Когда легату доложили, что лесной пожар перекрыл дорогу назад, он прекрасно понял, что именно здесь и решится его судьба – или он станет победителем и вернется домой героем, или никто и никогда не узнает, что же произошло и куда исчез целый легион опытных римских солдат.

Он несколько не удивился, когда услышал свист сотен стрел и его солдаты стали валиться на землю как подкошенные. Римляне постарались срочно сделать «черепашу», и как только последний солдат был укрыт щитом, стрелы, как по команде, прекратили свои полеты. Легионеры стояли в боевом защитном строю достаточно долго, но, видно, атака прекратилась, и стрелки ушли. Но стоило только кому-либо из солдат неосторожно выглянуть из-за щита, чтобы осмотреться, как меткая стрела молниеносно вонзалась ему в шею или лицо. Боем это назвать было сложно, так как это больше походило на обычное уничтожение живой силы противника.

В течение двух суток легион потерял больше половины своих солдат, и легат принял решение попытаться сохранить жизнь оставшимся. Он сделал шаг из-под щита и хотел уже громко назвать свое имя и звание, чтобы начать хоть какие-то переговоры, но чья-то смертоносная стрела с противным звуком пронзила его грудь насквозь, невзирая на то, что легат был в дорогой защитной броне. Командир покачнулся, по инерции схватился за стрелу, как бы пытаясь ее вытащить, бросил прощальный взгляд на свою некогда непобедимую армию, слегка присел и повалился на спину.

Солдаты видели, как погиб командир, и их охватила паника. Они были вымотаны длительным походом, и золото уже не казалось им таким манящим и близким. Оставшиеся командиры еще как-то пытались восстановить дисциплину в когортах, но это у них совершенно не получалось.

Неожиданно послышался сначала еле слышный, а затем все более усиливающийся конский топот. Земля потихоньку стала дрожать от множества коней, несущихся на полном скаку. Центурион когорты лучников все-таки сумел построить своих людей в боевую позицию и вышел вперед с поднятым вверх мечом:

– Лучники... Залп...

Но залпа не последовало. Он удивленно обернулся к своим людям и увидел их растерянные лица.

– Я сказал, залп...

Один из стрелков отбросил лук в сторону и громко крикнул своему командиру:

– Не получится... Тетивы отсырели от постоянных дождей. Луки бесполезны...

Какой-то солдат отбросил свой меч со щитом и рухнул на колени:

– Я же говорил вам, что царь Аид охраняет эти сокровища, – он пришел за нами... Он предупреждал нас, а мы не послушались...

Кажется, солдат был прав. Сотни черных с головы до ног всадников на таких же черных конях неслись к перепуганным римским отрядам. Эта нескончаемая черная волна несла с собой отчаяние и смерть. О том, чтобы выставить какую-то защиту, не могло быть и речи. Через несколько минут идеальные ряды конницы на всем скаку пролетели сквозь нестройные римские ряды, оставляя после себя только трупы и предсмертные крики тех, кому еще только

предстояло присоединиться к своим уже покинувшим этот Свет товарищам. После второго захода все было кончено. Римский легион был полностью уничтожен, и тайна города, битком набитого золотом, превратилась в очередную увлекательную историю, каких в то время было несметное количество.

Шаттен стоял в зале заседаний, а военачальники внимали каждому его слову:

– Совершенно верно... Меч тамплиера – это очень опасное и самое современное оружие на сегодняшний день. Ни одна армия мира еще не обладает такими мечами, но мы с вами должны идти дальше. Нельзя останавливаться на достигнутом. Если мы хотим быть на голову лучше других всегда, то нужно переводить всю пешую армию в конницу. Лошадей у нас более чем достаточно, а сила конника во много раз превосходит силу пешего воина.

– Это понятно, но и без пеших войск мы не сможем обойтись. Мы живем в лесах, где воин на коне не всегда сможет пройти.

– Правильно. Поэтому я предлагаю перевооружить только разведчиков.

– Перевооружить? Разве есть что-то лучше меча тамплиера?

– Для пешего воина нет, а вот для всадника нужна боевая шашка.

– Что за шашка еще? Разве нельзя всаднику биться с нашими мечами, тем более они себя очень хорошо зарекомендовали?

– Можно, но эффект уже будет не такой, как с шашкой.

Шаттен принялся изображать на доске рисунок казацкой шашки:

– По законам физики этот изгиб...

Прошло больше часа, прежде чем военный совет убедился в правильности слов Чемпиона. Кузнецам была дана команда сделать несколько пробных экземпляров для тестов, и Шаттен довольно устроился в кресле:

– Наконец-то... Вы не пожалеете, сами потом увидите...

– А ты откуда знаешь про это новое оружие?

– А это... это... это вам привет от РоМа. Разве вы не помните, что он был моим персональным учителем. Он тогда мне много чего успел рассказать...

– И что же еще такого интересного он тебе рассказал, а нам нет?

– Я же сказал, что много чего. Например то, что в двух месяцах езды от этого Города лежит небольшой деревянный ящик, а в нем скромная посылка. Если мы сможем ее сюда доставить, то это будет огромный скачок в развитии нашей армии...

– РоМ лично при мне уничтожил все оружие какое было. Мы, сколько ни старались потом, не смогли ничего найти на дне реки.

– Это другое оружие. То, что я вам предлагаю, вполне можно использовать сейчас, а то, которое уничтожил РоМ, было еще рановато для вас. Итак, вы готовы выслать людей, чтобы забрать посылку?

– Да, вон карта, показывай место... да поподробнее...

– Кстати, вы как-то отметили бойцов, которые вытащили меня на себе из римского лагеря?

– Они будут награждены, когда будем отмечать День Города, на общем праздничном собрании на площади.

– На общем собрании? Это хорошо... Отличные ребята...

Спустя какое-то время на очередном военном совете Шаттен попросил слова. Он вышел на середину, прокашлялся и обвел взглядом военачальников:

– Насколько вы можете помнить, я был в Капуи ответственным за физическую подготовку наших отрядов.

– Был, но это было очень давно, и многое изменилось с тех пор...

– Да, вы правы, многое изменилось с тех пор, и я сейчас могу взглянуть свежим взглядом на подготовку наших разведчиков.

– И что не так с их подготовкой? Программу составляли РоМ и Воевода, и сейчас мы в точности следуем их рекомендациям...

– Программа была составлена десятки лет назад, а вы до сих пор в точности следуете этой рекомендации? Но это еще не все... Вспомните, сколько раз в месяц РоМ выводил своих людей на задания вне виллы? Вспомнили? А сколько раз сейчас они выходят? Контрольные проверки были два раза в неделю, а сейчас вы проводите их один раз в год. Вы считаете, этого достаточно? Вы считаете нормальным, что ваших торговцев запросто берут в плен и по их следу отправляются отряды римлян? Вы соскучились по кровавым битвам и римским кнутам? Вы привыкли к мирной жизни и начинаете забывать, как выглядят рабы в цепях. Вы уже не помните, как легионеры вырезают целые народы во славу великого Рима? Вы желаете воевать внутри Города или на римских границах? Разница ведь есть? Я только что вернулся оттуда и хочу, чтобы вы меня слышали – там ничего не изменилось. Сотни тысяч рабов и бесконечные кровавые реки, гладиаторские бои на аренах и распятые на крестах рабы – неужели вы все это забыли? Я это видел всего лишь несколько месяцев назад...

– Короче, что ты предлагаешь?

– Я предлагаю полностью пересмотреть боевую подготовку наших людей и, в первую очередь, подразделения разведки и штурмовых отрядов.

– Что для этого требуется?

– Две недели времени и пять строительных бригад...

– Зачем строительные бригады? Оборонные укрепления у нас отличные, и ничего переделывать не нужно...

– Да, стены хороши, слов нет. Но мне нужно переделать полосу препятствий для тренировок. Та, что есть сейчас, никуда не годится. Вернее, может и сгодиться, но только для прогулки под ручку школьника с несмышленной девочкой. А подготовленному бойцу нужно совершенно другое. Вот тут я набросал примерный рисунок будущей полосы... Значит, вот здесь нужно будет вырыть огромную яму и наполнить ее водой или грязью, а здесь построить отвесную стену, тут подводные преграды, ну, и так далее... Одним словом, давайте строителей и как можно быстрее... Мне еще многое нужно успеть сделать... И если никто не против, то я лично займусь подготовкой наших разведчиков. Их ведь по-прежнему двести человек?

– Да, ничего не менялось...

– Ну, вот и отлично. Значит, мне нужно ваше разрешение на вступление в должность и объявление по войскам.

Воевода еле заметно кивнул одному из своих помощников, и тот сразу вышел из зала заседаний. Через пару минут он вернулся и слегка кивнул своему командиру. Тот встал и громко, на весь зал произнес:

– Вот теперь я узнаю нашего Чемпиона виллы, ученика самого РоМа. У кого-нибудь есть возражения или пожелания? Нет? Значит, голосуем... Единогласно. Я-то уже стар стал, а вот у тебя энергии полно еще осталось, так что действуй, Чемпион, принимай командование на себя и смотри, чтобы армия была не хуже, чем при РоМе...

– Хуже не будет, постараемся сделать даже лучше...

Чемпион поклонился старейшинам и вышел из темного помещения на яркий свет. Он на секунду прищурился от солнечных лучей, пару раз глубоко вдохнул свежего воздуха, наполнил им свои легкие и что есть силы крикнул дежурному:

– Разведка, учебная тревога, выдвигаемся через одну минуту...

И тут же большой колокол в центре площади стал наполнять город тревожными звуками...

В течение целого месяца отряд Шаттена носился по близлежащим лесам и рекам, строил мосты, затем разбирал их. Устанавливал лагеря, а потом уничтожал их таким образом, чтобы ни у кого и мысли не могло возникнуть, что здесь когда-то было поселение. Разведчики засы-

пали целые овраги в лесу и в один миг прокладывали новые. Шаттен изредка заскакивал в город, чтобы проследить, как идет строительство новой полосы препятствий, затем его люди молниеносно покидали родные места, чтобы опять окунуться в тренировочные будни элиты боевой армии. Как и при РоМе, попасть в этот отряд теперь считалось большой удачей, и молодежь начинала заранее готовиться к призывному году, чтобы повысить свои шансы на попадание в команду Шаттена.

А через несколько месяцев была доставлена посылка из римской империи. Специально отобранные люди, рискуя своими жизнями и свободой, сумели проникнуть на опасную территорию и вывезти оттуда дорогой груз. Это был небольшой ящик из непонятного черного материала. Он немного походил на дерево, но был очень гладким, совершенно непромокаемым и очень легким. Когда на военном совете этот ящик положили на стол перед Шаттенем, все заметили, как заблестели его глаза. Он осторожно осмотрел посылку, щелкнул замками и медленно извлек на свет что-то, отдаленно напоминающее боевой лук:

– Ну, а теперь нам не страшны никакие угрозы. С нашими стенами и таким оружием мы смело можем чувствовать себя в полной безопасности еще полторы тысячи лет как минимум...

– Что это?

– Это? Это то, что позволит нам без малейшего усилия отбить любую атаку противника. Это называется блочный лук. Разницу вы сможете почувствовать сразу же. Пока не буду вас напрягать длинными и утомительными рассказами – сейчас выйдем и постреляем, и вы все поймете сами. Еще нам нужно будет заменить наши арбалеты на стене – там мы поставим более мощные, которые должны бить минимум в два раза дальше, я потом покажу, что нужно изменить и добавить в них, а те, которые есть сейчас, будут использоваться в ближнем бою... Ну, разве не красавец, а? Хорош, просто хорош... – Шаттен не мог налюбоваться своей опасной игрушкой:

– Ну что, пойдём постреляем? Желающие есть?

В этот же вечер инженерный отдел получил особое срочное распоряжение от старейшин города. Нужно было составить чертежи всех деталей нового оружия и незамедлительно приступить к его изготовлению. Опытные воины остались в полном восторге от блочного лука и каждый раз терпеливо стояли в очереди, ожидая своей счастливой минуты выпустить пару заветных стрел в далекую мишень.

С появлением Шаттена жизнь в Городе опять забурилась с новой силой, а тот все никак не мог остановиться. На каждом Совете он выдавал все новые и новые идеи, от которых захватывало дух, и постепенно он сумел заменить собой и РоМа, и Блока одновременно. Теперь он был таким же непререкаемым авторитетом, как и ушедшая в неизвестность таинственная команда Блока. Сейчас у Города снова появился защитник, рядом с которым все чувствовали себя гораздо смелее и намного увереннее.

Шаттен был вызван на военный совет для очередного подробного отчета о проделанной работе. Он стоял перед советом старейшин и смотрел в пол. Один из уважаемых людей Города высказывал ему свое недовольство:

– Ну, вот ты можешь хотя бы сказать, что ты там с ними вытворяешь?

– Что-то не так?

– Не так... Скажи нам, зачем ты дал распоряжение связать каждому в своем отряде руки за спиной и заставил их поодиночке бродить по лесам целую неделю? А если бы кто-нибудь из них погиб или встретился с медведем или волком? Кто бы отвечал за смерть юноши?

– Это не юноши, а солдаты... К тому же это разведка, а не рядовые бойцы. Если сумел выжить один в лесу, да еще и со связанными руками, – значит, сможет выполнить любую поставленную перед ним задачу в любой местности, даже в одиночку.

– А ты не перегибаешь палку?

– Что, уже пожаловались? Прибежали искать защиты у старейшин?

– В том-то и дело, что никто не прибежал, а по идее должны были бы уже прибежать...

– Так в чем проблема-то?

– Проблема в том, что вся молодежь теперь рвется попасть в твой отряд разведки. Ничего не хотят слушать про другие войска – всем подавай отряд Чемпиона. А ведь кто-то должен и на стене стоять, и склады охранять... А все теперь хотят быть военными. Конечно... землю пахать не нужно, кирпичи таскать тоже – знай себе, только по горам да лесам носись как угорелый со своим сумасшедшим командиром и в ус не дуй.

– Так от меня-то вы что хотите, я все не пойму?

– Чтобы ты сбавил немного обороты, дал людям нормальной жизнью пожить...

– Нормальной жизнью пожить, говорите? Вот ты помнишь, как давно зажил нормальной жизнью? Я-то тебя помню еще, когда на носилках принесли из тюрьмы ланисты. А тебя помню, как на рынке покупали, словно собачонку какую... Кому еще напомнить про нормальную жизнь? Успокоились, почувствовали сытную жизнь и раздобрели... Хотите вернуть прошлое? Чтобы ваши дети узнали, что такое цепи и рабство? Есть такая народная мудрость «Не хочешь кормить свою армию – будешь кормить чужую». А здесь выбор небольшой – это или наша армия, или римская... Лучше выжимать последние соки из своих солдат на занятиях, чем римляне будут выжимать из нас все, что можно... Я лично не собираюсь возвращаться к прошлой жизни и именно поэтому делаю все, чтобы сохранить то, что мы сейчас имеем...

– Никто не спорит, что нужно держать подготовленную армию, но ты хотя бы не покалечь ребят...

– Это армия, а не дом танцев...

– Понятно...

– Ну, раз понятно, то мне пора уже...

– Куда на этот раз?

– В горы пойдем. Обещал их научить скалолазанию – все руки не доходили, а сейчас, судя по всему, самое время. Если после похода не разбегутся, то, значит, можно будет сказать, что отряд готов...

– Бедные ребята...

– Закаленные воины...

Через десять минут двести всадников на полном ходу выскочили за ворота и, не сбавляя скорости, направились вдоль длинной каменной стены в сторону высоких гор. Караульные на смотровых башнях с завистью проводили взглядами тех, кому посчастливилось попасть в этот, теперь уже легендарный, отряд.

Не утихли страсти по последнему походу, как в городе снова заговорили о новой затее командира. Суть ее заключалась в том, чтобы выдержать очень сложный экзамен и взамен всех мучений в конце получить маску разведчика. Это была обыкновенная вязаная шапка с прорезью для глаз. Носить такие можно будет только тем, кто с честью выдержит все предложенные испытания. Возможно, эта идея и не получила бы такой большой поддержки среди бойцов Города, но во время одной из разведок Шаттен надел такую маску, скрыв свое лицо от всех, и теперь всем нужно было «дай и выложи» именно такую. Чтобы поддержать боевой дух своих людей, Чемпион и придумал некий экзамен...

В обед на площади стройными рядами стояли все желающие получить заветные трофеи. Каждый из них был экипирован как для тяжелого и дальнего похода: большой рюкзак с продовольствием, тяжелые мечи и арбалеты с большим запасом стрел, лопатки и топоры для постройки походного лагеря. Шаттен лично обходил каждого воина и проверял вес его поклажи. Когда все приготовления были закончены, он обратился к бойцам:

– Сегодня будет один из самых знаменательных дней в вашей жизни. Те, кто с честью выдержит испытания, навсегда получит отличительный знак. По этому знаку вы всегда сможете отличить своего боевого друга от тех, кому еще только предстоит им стать. Воинское братство

объединит вас, и каждый будет знать, на кого можно рассчитывать в трудную минуту. Те, кто не сможет сегодня доказать свое право носить этот знак отличия, сможет попробовать свои силы через год. Он будет знать свои слабые места и на что нужно сделать ударение в тренировках. А те, кто пройдут до конца, будут считаться гвардией Города, и им будут доверять самые трудные и опасные задания. Мы с вами очень много тренировались и готовились к сегодняшнему дню, поэтому покажите все, чему вы научились, и докажите в первую очередь сами себе, что вы достойны быть лучшими... А теперь отряд, направо... Бегом МАРШ... Те, кто будет отставать от основной группы больше чем на сто метров, – снимаются с экзамена...

Шаттен скакал на коне рядом с бегущей колонной бойцов и задавал нужный темп. Вокруг этой растянувшейся команды на лошадях сновали его помощники. Они были заранее тщательно проинструктированы Чемпионом и теперь с особым рвением выполняли его распоряжения. На безукоризненно синем небе не было ни единого облачка, и обеденная жара уже начинала давать знать о себе. Молодые ребята, обливаясь потом, тащили огромные тяжелые рюкзаки без отдыха уже несколько часов. Они ни разу не остановились, чтобы передохнуть или хотя бы поправить лямки своей ноши. Несколько раз им пришлось преодолевать глубокие овраги, причем в таких местах, где сложно было пройти и налегке. А сверху на обрыве стояли помощники Шаттена и мешали взобраться наверх. Многих претендентов просто стаскивали обратно в овраг, и им снова приходилось начинать карабкаться наверх с самого низа. Чтобы никто никому не помогал, лица у всех претендентов и экзаменаторов были завязаны платками, и теперь даже закадычные друзья уже не могли помочь друг другу. Через какое-то время от общего отряда стали постепенно отделяться те, кто уже не в состоянии был поддерживать такой невыносимо тяжелый ритм. Сначала они с бега переходили на шаг, а затем уже просто садились на землю или ложились, срывая с себя мешавший свободно дышать платок и ловя ртом такой желанный свежий воздух. Всадники сразу же забирали у них тяжелую поклажу и отправляли обратно в Город. Один из помощников подъехал к Шаттену и доложил:

– Восемь сошли, двое потеряли сознание, один подвернул ногу в овраге и один утопил в ручье оружие. Итого, минус двенадцать...

– Пока терпимо...

– До озера около пяти километров, может, сделаем еще один крюк?

– Обязательно и захватите трясины, которую мы неделю назад проверяли. Там не очень глубоко, но сил вытащит немало. Как раз после болота в реке все и отмоются, кто доберется, конечно...

– Понял, сделаем... – всадник пришпорил коня и в один миг оказался в самом начале колонны бегущих. – А ну, не отставать, задние – подтянитесь... Следуем за мной...

Как Шаттен и предполагал, из трясины выбрались далеко не все. Больше половины сумели добраться только до берега и без сил буквально рухнули на сухом месте. Они не могли пошевелить ни рукой, ни ногой от упадка сил, и все, что они теперь могли, – это провожать взглядом тех, кто еще сумел найти в себе силы для дальнейшего испытания. Заметно поредевший отряд наконец-то добрался до берега. Здесь всем было разрешено оставить тяжелейшие рюкзаки и, взяв с собой только оружие, постараться перебраться на противоположный берег. В этом месте озеро было не очень широким, но для совершенно обессиленных людей оно представлялось настоящим океаном. А всадники уже подгоняли всех своими окриками:

– Чего остановились? Бегом на тот берег или хотите, чтобы вас сняли с экзамена?

После каждого тяжелого этапа претендентов становилось все меньше и меньше. На почти отвесную гору смогло взобраться уже совсем немного, а нужно было еще с нее и спуститься. Причем спускаться нужно было на время по всем правилам и с особым заданием: в скале были сделаны несколько пещер, и каждый спускавшийся должен был сделать два метания ножа и поразить при этом хотя бы одну мишень, и при этом уложиться в норматив по времени. После выполнения всех заданий перед Шаттенем стояло около пятидесяти обессиленных воинов.

Это были те, кто сумел нечеловеческими усилиями воли выполнить все, что для них было заранее заготовлено командирами, и теперь все ждали очередного задания. Шаттен не заставил себя долго ждать. Он прохаживался вдоль шеренги бойцов и громким командирским голосом отдавал распоряжение:

– Арбалеты к бою... – он подходил к каждому и обращался лично, – снять с предохранителя... Огонь... Хорошо. Теперь ты – снять с предохранителя... огонь...

Два арбалета так и не смогли выстрелить. Грязь и вода сделали свое дело, и несложный механизм дал осечку. Пройти такие испытания и завалиться на какой-то ерунде было до такой степени обидно, что оба молодых человека не смогли сдержать слез обиды:

– Но мы же все сделали, только оружие не выстрелило...

– Да, оружие не выстрелило. А зачем ты мне нужен в бою без оружия? Все это испытание и было задумано, чтобы боец научился беречь свое личное оружие больше, чем себя самого... На следующий год, если не передумаете, будете внимательнее относиться к казенному имуществу, а теперь марш отсюда к зрителям...

– Есть...

Остатки некогда огромного отряда привели на стадион, где уже собралась большая группа зрителей, чтобы поддержать бойцов. Правила последнего состязания, а именно рукопашного боя, были объяснены заранее и новостью ни для кого не были. Суть их заключалась в том, что каждый претендент должен был провести четыре боя по три минуты с разными соперниками. Причем соперниками были бойцы, которые не участвовали в сегодняшнем соревновании, а значит, были свежи и полны сил. Если претендент падал на землю или по какой-либо другой причине не мог продолжать бой, то он автоматически снимался с состязания. Обессилевшие ребята выходили на ринг с единственной мыслью простоять до конца избиения. У них совершенно не было никаких сил для ответных действий. Они просто старались как можно надежнее укрыться от сильных ударов своих соперников и по возможности не упасть. А экзаменаторы старались изо всех сил. Они применяли все известные им приемы, чтобы выбить бойца из соревнования. Всем было понятно, что этот последний экзамен смогут выдержать далеко не все претенденты. Разбитые носы и опухшие уши, вывихнутые челюсти и руки – врачам работы прибавилось на ближайший месяц с лихвой... Когда же все было закончено, то перед Шаттенем и его помощниками остались стоять всего лишь восемь человек. Совершенно непонятно было, радовались ли они своей победе или нет. Сильнейшее чувство усталости перекрывало все эмоции и единственной их мечтой на данный момент было поскорее добраться до дома, упасть на кровать и проспять целую вечность. Они никак не могли поверить, что сегодняшний кошмар все-таки закончился и теперь не нужно больше терпеть эти бесконечные мучения. Шаттен пожал каждому из них руку и вручил заветные трофеи. Элитное подразделение в отборном отряде разведки было создано, и теперь перед каждым бойцом Города была поставлена новая высокая планка, которую он мечтал достичь, а счастливые обладатели специальных масок автоматически становились объектами восхищения и всеобщим примером для подражания.

Время шло, а Шаттен все никак не мог успокоиться. Он попал в свою колею и теперь отдавал службе все свободное и рабочее время. В своем доме он практически не появлялся, но зато его всегда можно было найти на полосе препятствий с разведчиками или в очередном походе по лесам и скалам.

Время шло своим чередом. Но однажды он вернулся из похода гораздо раньше чем планировал. По его заявке был немедленно собран совет старейшин на закрытое заседание. Так как для него не было специального места в зале заседаний, а на места команды Блока никто и никогда не садился, то Шаттену пришлось стоя рассказывать последние события, которые так его взволновали.

– Так вот... – продолжал он начатый рассказ. – Проезжаем первый дозорный пост, а на дозорной вышке у соседей никого нет. Ну, это не наше дело, и мы дальше проехали, на следующем секретном дозоре их опять никого не видно. Я думаю, надо проверить потихоньку, вдруг беда какая случилась или помощь требуется. Короче, взял с собой двух бойцов и ночью пробрался к соседям в город...

– Ты ночью пробрался в город к нашим соседям? Как вор? Ты понимаешь, что ты натворил?

– Понимаю, но это еще не все.

– А что может быть еще? Хуже уже не придумаешь... – старейшины были в полном негодовании:

– За столько лет мы ни разу не дали им повода усомниться в нашей дружбе, а теперь такой позор. Нужно немедленно посылать к ним гонца с извинениями и ехать должен кто-то из нас...

– Да подождите вы, дайте рассказать до конца...

– Что тут слушать, и так все ясно. За такие проступки нужно гнать из Города. Еще и ребят с собой взял...

– Если посчитаете нужным меня выгнать, только скажите, и я сам уйду, но сначала я договорю. Так вот, мы перелезли через забор, а у них в городе вообще никого нет. В дома заглянули – пусто, и скотины никакой не нашли, ни лошадей, ни коров – вообще никого, и самое странное, что склады тоже пустые, как будто ушел народ и все имущество с собой забрали.

– Что значит ушел народ? Ну, хоть кто-то должен там остаться? Хотя бы один охранник.

– Нет никого, ни охранника, ни пастуха, ни крестьянина... Брошенный город стоит, а судя по следам, брошен он уже давно, не меньше месяца...

– Вот это уже странно, давай дальше рассказывай, – начали проявлять интерес старейшины.

– Так вот, мы обыскали весь город, но следов повозок и лошадей не обнаружили, и вот тут начинается самое интересное.

Шаттен набрал в грудь побольше воздуха, сделал небольшую паузу и выдал фразу от которой у всех в зале замерло дыхание.

– В одном из шатров мы нашли очень тщательно замаскированный потайной ход, который уходит глубоко под землю. Он настолько широкий и высокий, что там запросто может пройти телега с лошадью. Мы прошли по этому ходу несколько километров и дошли до огромного зала. В этом зале множество разных входов и некоторые направлены к нашему Городу. Мало того, часть из них идет еще глубже, а там уже проложены настоящие дороги по всем направлениям: юг, север, запад, восток... Дальше мы уже не пошли, так как были без факелов, и у нас не было вашего разрешения на осмотр чужого города...

В зале некоторое время стояла полная тишина. Наконец один из старейшин подал голос:

– Вот значит куда они исчезали каждую зиму – под землю, а весной возвращались обратно как ни в чем не бывало... Но сейчас же еще конец лета, почему они так рано ушли? Может, случилось что? Нас не предупредили, ничего не понимаю... Старейшины, что думаете?

– А что тут думать, нужно отправлять следопытов-разведчиков – пусть ищут.

– Вообще-то это чужая земля. Как вы себе это представляете? Ну, наши разведчики встретят под землей Князя-соседа и что ему скажут? Нас старейшины послали посмотреть, освободилась ли ваша земля и можно ли ее себе забрать? Нет, так дело не пойдет, тут другой вариант нужно искать...

– А если им помощь нужна? Никогда же не было еще такого – вот мы по-соседски и пришли на помощь.

– Да... и сразу по складам шарить и по подземельям чужим...

Мнения старейшин разделились, и они никак не могли прийти к общему решению. Но их жаркие споры неожиданно прервал Шаттен. Он несколько раз прокашлялся и, когда наконец

на него обратили внимание, неожиданно произнес еще одну фразу, которая сразу же сумела объединить всех.

– Там это... короче... на самом деле я не стал возвращаться из подземелья, а прошел по одному коридору до конца и вышел на поверхность в очень интересном месте.

– Где?

– Недалеко от нашей защитной стены.

– Ты смог под землей пройти прямо к нашему Городу?

– Да, причем все наши дозоры в лесу остались далеко позади, и я совершенно незаметно вышел к северной части стены. Но там ход не очень широкий, и мне пришлось оставить своего коня в городе соседей. Хотя под землей, я так понимаю, у них настоящий город, а на поверхности так, для посторонних глаз, но и там я не встретил ни одного человека...

Через нескольких часов бурных обсуждений было принято общее решение о создании экспедиционного корпуса с особым секретным заданием. В эту тайну были посвящены старейшины и отдельная группа Шаттена. Начало экспедиции было назначено на следующее утро...

Шаттен проснулся от того, что сквозь неглубокий сон услышал, как один из его бойцов слегка застонал во сне. Командир приподнял голову и, убедившись, что вокруг все спокойно, встал и потянулся, с удовольствием разминая затекшие руки. Дежурный по лагерю находился недалеко от спящих и внимательно прислушивался к каждому шороху, доносившемуся из темных коридоров глубокого подземелья.

Отряд Шаттена находился под землей уже не один месяц и за все это время всего лишь несколько раз поднимался на поверхность, чтобы пополнить запасы свежей воды и просто увидеть свет, так как глаза людей очень быстро отвыкали от солнца. Перед ними была поставлена очень серьезная и важная задача, а именно – составить подробную карту подземных ходов, которыми пользовались бывшие соседи. То, что под землей находился огромный город с бесконечными дорогами, они уже давно поняли. Сначала разведка составила план небольшого участка тоннелей, которые подходили непосредственно к защитной стене Города. Но с каждым новым заходом они углублялись все дальше и глубже. Подземелье было многоуровневым, и если верхние тоннели были небольшие и частенько выходили на поверхность земли, тщательно замаскированные, то нижние уже напоминали широкие ровные дороги, которые, казалось, были просто бесконечными. Вот одну такую дорогу теперь отряд Шаттена и должен был проверить. Иногда ему и самому уже казалось, что это задание никогда не закончится и зря они все это затеяли, но все равно они шли и шли вперед, тщательно зарисовывая все ответвления от основного маршрута. Разведчики всецело доверяли своему командиру, и за все время пути ни один из них даже не посмел подумать о том, что можно все бросить и повернуть обратно.

Шаттен приподнял голову и сразу же почувствовал щекой слабое дуновение легкого ветерка. Оно было очень слабым и неточным, но командир сумел его определить:

– Через пару километров будет проход наверх. Двое вперед – проверьте, чтобы все было тихо...

– Есть...

Разведчики неслышно, как тени, отделились от основной группы и сразу же исчезли в темноте. Через несколько минут основная группа отправилась за ними. Спустя какое-то время они поднялись наверх и наконец-то смогли немного расслабиться. На улице стояла ночь, и огромные звезды свисали прямо над землей, освещая все вокруг своим холодным серебряным светом. Луна была размером с приличный арбуз, и от нее исходил настолько яркий свет, что разведчикам с непривычки показалось, что это было самое настоящее солнце. Они лежали на небольшой полянке у подножия огромной горы и наслаждались свежим воздухом. Через час был готов горячий ужин, и Шаттен в очередной раз удивился волчьему аппетиту своих молодых бойцов. На огне был зажарен только что подстреленный олень, и к концу приема пищи от него остались только жалкие кости. Как обычно после сытного ужина все, кроме дозорных,

развалились у костра и предались воспоминаниям о доме, а Шаттен думал о своей затерянной во времени команде. Его мысли прервал один из его подчиненных:

– Чемпион, мы сейчас где находимся? По предварительным подсчетам мы уже где-то в Восточной Сибири?

– Нет, в Восточную Сибирь нужно было забирать левее, там, где двенадцатый коридор нам встретился, – вот там и нужно было поворачивать. А мы сейчас где-то недалеко от Китая или Монголии.

– Далеко забрались – так, может, и до Японии дойдем.

– До Японии – это вряд ли... Там много под водой придется идти, а вот берег Сахалина, может, и увидим когда-нибудь, хотя вряд ли – это в другой стороне. Кстати, бойцы, никто ничего необычного или интересного не заметил за все это время, что мы идем?

– Ну, самое необычное – это то, что мы идем под землей, что может быть еще необычнее?

– Ну, во-первых, очень ровная дорога – это заметили...

– Так, ровная дорога, и пыли на земле очень мало... Ну, кто продолжит? Кто похвастается своей наблюдательностью?

– Мне, может, показалось, но дорога, по которой мы идем, расположена слегка под уклоном, и мы вроде как все ниже постепенно опускаемся. Хотя, может, я и не прав...

– Прав, в самую точку попал. Именно... дорога проложена под наклоном, а это значит... Что это значит?

– Что значит?

– Вот я у вас и спрашиваю, что это значит? Ну, думайте, думайте...

– Ничего не значит, просто сделали дорогу некачественно, вот и получилась такая.

– А вот тут ты ошибаешься, мой юный друг... Дорогу эту делали специально под легким еле заметным уклоном. А уклон этот сделан для того, чтобы здесь можно было легко тащить повозку или даже катиться на ней как под горку. Помните, когда мы пару недель назад поднимались на поверхность, то нашли еще одну дорогу, которая примерно в обратную сторону шла? Вот та дорога и есть наш обратный путь – она также сделана с небольшим уклоном, но только уже в другом направлении. А то, что в подземелье почти нет пыли под ногами, говорит как раз о том, что все сделано для того, чтобы было легче передвигаться...

– Как-то все сложно уж очень устроено...

– Ничего, вернемся в Город – попробуем соорудить специальную повозку для поездок под землей, и если все получится, то у нас появятся огромные преимущества перед любым народом на земле...

– А как можно было проложить такие дороги под землей? Это ведь тысячи лет нужно было потратить, чтобы выполнить такую работу.

– Не думаю... Часть дорог пробили для себя подземные воды, и знающие люди стали их использовать в своих целях. Под Уральскими горами находится очень много пещер разного размера. И, по-видимому, кто-то очень хорошо знал местонахождение основных пустот под горами и пробил между ними тоннели, тем самым соединив все в единую сеть подземных дорог. Скорее всего, наши соседи этим и занимались все время.

– Зачем это им нужно было?

– Это у них нужно было спросить.

– А мы с ними когда-нибудь встретимся еще или они настолько глубоко ушли, что уже никогда не вернуться?

– Этого никто не знает.

– А почему они ушли?

– Все уже, отстаньте от меня со своими вопросами, я знаю не больше вашего... Всем отдыхать, через пять часов выдвигаемся...

Шаттен стоял в зале заседаний перед старейшинами и терпеливо ждал, когда они закончат тщательно изучать карту. Наконец один из них повернулся в его сторону:

– Хорошая работа...

– Мы старались...

– Но это не единственная дорога?

– Нет, мы развели только одну дорогу в том направлении, а их десятки. У нас есть подробные карты на сто километров вокруг Города на глубине от десяти до двухсот метров – это результат нескольких месяцев работы разведки. Моя группа продолжает составлять схемы дорог, постепенно расширяя изучаемую территорию.

– Ниже не спускались?

– Нет. Нам было запрещено спускаться ниже, поэтому мы неукоснительно выполняли только распоряжения совета старейшин.

– Хорошо. Твоя группа будет отмечена на ближайшем собрании Города, а сейчас можешь идти отдыхать.

Шаттен усталое вышел из здания и направился в сторону своего дома. Здесь все было так же, как и в тот момент, когда он уходил со своими ребятами в очередной долгий поход. Пока хозяина не было дома, дежурные по караулу тщательно убрались и следили за порядком в его хозяйстве. Кони были накормлены и вычищены, дрова наколоты и аккуратно сложены вдоль стены, даже вода в бочке в доме была заменена на свежую. Шаттен, не раздеваясь, лег на широкую лавку и блаженно потянулся. Измученное в пути тело разведчика требовало отдыха и расслабления. Он задремал, но насколько бы ни был чуток его сон, Чемпион не смог услышать, как кто-то осторожно и тихо, словно кошка, сумел войти в его дом. Шаттен вздрогнул от неожиданности. Он сквозь сон отчетливо почувствовал, что что-то произошло, и теперь он находится уже не в полной безопасности. Это что-то внимательно смотрело на него и буквально пронизывало насквозь своим взглядом. Никто из друзей и знакомых не мог себе позволить вот так запросто зайти в дом к Чемпиону. Он слыл в городе нелюдимым, и у него не было близких друзей. Весь интерес к жизни у него сводился к военной службе, и поэтому большую часть своего времени он проводил в военных городках и бесконечных походах. Шаттен, не открывая глаз, нащупал рукой нож, с которым не расставался, даже когда ложился спать, и осторожно локтем расстегнул защитную заклепку. Глядя со стороны на спящего человека, совершенно нельзя было заметить ни единого движения, но за несколько секунд Чемпионом была проделана огромная работа, и теперь он уже был готов принять бой во всеоружии. Теперь ему оставалось только слегка приоткрыть один глаз, чтобы с точностью определить количество непрошенных гостей и их расположение в комнате, чтобы раз и навсегда объяснить, что такие штуки с ним не проходят. Но неожиданно все встало на свои места. Знакомый голос с легким укором заставил его расслабиться:

– Стареешь, Шаттен, стареешь.

– Я вас еще на крыльце почувствовал, просто не хотел пугать.

– Да уж, на крыльце... Раньше бы ты меня уложил, когда я даже еще к крыльцу не успел подойти, а сейчас уже в дом к себе запустил. Может, отдохнуть тебе немного? Сколько можно без отпуска?

– Ничего, справлюсь.

– Ну, справишься так справишься...

– Вас не было на совете старейшин.

– Мне там нечего было делать. Карту местности ты составил подробную – старейшинам должно хватить для отчета о твоём походе. Меня интересует другое – ты достал то, о чем я тебе говорил?

– Да.

– Сложности были?

– Да уж, пришлось потрудиться.

– Ну и где?

Шаттен опустил руку под лавку и осторожно достал небольшой холщовый мешочек, тщательно перевязанный веревкой:

– Это образец, качество, конечно, не на самом высоком уровне, но для сегодняшнего времени пойдет, тем более, что мы можем значительно улучшить его состав.

Чемпион встал с лавки и сделал несколько шагов навстречу Отцу:

– Возьмите. Не думаете, что рано еще им это давать?

– Нет, в самый раз. Надеюсь, что они уже готовы к этому. Теперь можно и домой, ты готов?

– Да, только переодеться в свежее и можем выдвигаться.

– Ну, уж не настолько скоро. Давай завтра с утра и пойдем. Сегодня вечером соберем старейшин, переговорим и без лишнего шума исчезнем – как будто ушли в очередной поход.

– Как скажете...

На следующий день ранним утром население Города уменьшилось на двух человек...

Глава III

– Сумел – повторил Отец и взглянул в глаза Блоку. – Давай прощайся со своими новыми друзьями, нам пора...

– Я готов...

– Ну, тогда вперед...

Часть третья

Глава I

Администратор бани «Чистые Утехи» сидел за столом и пересчитывал выручку за сегодняшний день. Клиентов было много, но большая часть как назло были или бандиты, или полицейские, а эта категория «уважаемых людей» никогда не расплачивалась, и поэтому на приличную прибыль рассчитывать не приходилось. Они никогда не платили и всегда были всем недовольны. Вот и сейчас то из одного, то из другого номера доносились крики:

– Эй, ты там живой еще? Пива нам и быстрее...

– Эй, а девочки где наши? Тебе, урод, двадцать минут назад еще сказали, а ты все не шевелишься...

– Водяры принеси... и живее...

Сильный стук в дверь заставил его оторваться от столь важного дела, и, захватив с собой по пути две бутылки водки, он отправился посмотреть, кого же еще там принесла нелегкая в его заведение. Открывая небольшое окошко, он небрежно крикнул в образовавшуюся щель:

– Мест нет, все номера заняты. Освободятся только через три часа...

Женский голос грубо прервал его:

– Открывай давай, нас ждут...

Администратор выглянул посильнее и увидел молодую девушку в старой и не очень свежей одежде. Рядом с ней стоял ребенок, который с удивлением рассматривал дорогие припаркованные автомобили с неприкасаемыми номерами ЕКХ (известные в народной интерпретации как «Еду, Как Хочу»).

– Слышь, шалава, ты ребенка зачем с собой притащила? Негде оставить, что ли? Детей же никто не заказывал. Пусть здесь останется и скажи ей, чтобы близко даже к машинам не подходила, а то всю жизнь потом расплачиваться вместе будете.

– Рот закрой, а дверь открой и быстрее, мне некогда...

– Ишь ты, некогда ей. Поговори мне еще. В следующий раз вообще не пущу. Здесь таких, как ты, хоть пруд пруди. И скажи своей «мамке», чтобы тебя больше сюда не присылала, хотя не нужно, не говори, я сам скажу потом. Чего-то я тебя не видел здесь раньше. Новенькая, что ли? Правила знаешь?

– Какие еще правила?

– Такие правила – двадцать пять процентов от заработанного отдаешь мне, а остальное себе оставляешь, и сама уже за рабочую лицензию со своими расплачиваешься. А ребенка лучше бы в детский дом продала – хоть какие-то деньги за него получила бы – может, из иностранцев и купит кто. Ну, куда прешь? Я же сказал, что малолетку свою здесь оставь...

– Она со мной пойдет, мы вместе.

– А-а, так вы вместе, так бы сразу и сказала. Тогда с вас с каждого по двадцать пять процентов, когда уходить будете...

– Ладно...

Девушка уверено прошла по коридору, ведя за ручку своего ребенка, и остановилась у одной из дверей. Осторожно постучав, она дождалась ответа и проскользнула в открытый проем. Когда ребенок зашел вслед за ней, дверь сразу же захлопнулась, и в ней несколько раз щелкнул замок.

– Вот шалава, ничего уже святого нет... – администратор вернулся к своему рабочему месту и, открыв журнал посещений, поставил напротив банной комнаты под номером двена-

дцать два плюсика, что означало – еще два посетителя. В этом банном комплексе все было очень строго и подчинено железной дисциплине.

Отец оглядел вошедших:

– Что опаздываете?

– Пришлось лишний круг сделать, чтобы не рисковать.

– Все чисто?

– Да, мы проверили...

– Ну, тогда поздравляю всех с возвращением.

Команда Блока в полном составе сидела перед Отцом и ожидала услышать от него причины, побудившие его отменить строгий запрет на прошлую жизнь. Все молчали, говорил только Отец:

– ... Из всего этого получается, что вы все снова в деле и в вас нуждаются, – Отец закончил свою речь и сел напротив команды.

Он смотрел в глаза своим людям и ожидал их ответа. Некоторое время в номере стояла полная тишина. Наконец, БлокАДА нарушил ее:

– Думаю, что я выскажу общее мнение... Но нам придется отказаться.

Лау ехидно усмехнулась и одобряюще кивнула. А Блок тем временем продолжал:

– Раньше мы служили Родине, а сейчас – кому? Непонятным хозяевам жизни? Для офицера – это неприемлемо. Я лично оставляю службу. Если у вас есть возможность и вы можете посодействовать, то хотел бы отправиться к себе в Город. Остальные, надеюсь, думают так же.

Отец смотрел на людей, которые верой и правдой, не щадя живота своего служили своей стране, которая выплюнула их, как только они оказались ненужными. Что он мог им сказать еще? Как он мог переубедить их работать на «дядю»? Но Отец не был бы тем Отцом, которого все знали. Он дал высказаться каждому из команды и, когда Свит закончил свою прощальную речь, встал, подошел к окну с толстой решеткой и, стоя спиной ко всем, начал еле слышно говорить. То, что он сейчас говорил, заставило опытных разведчиков вжаться в спинки кресел от неожиданности...

– ...Так вот, – продолжал Отец, – в одном городе родилась красивая белокурая девочка. Она была всеобщей любимицей, и все в ней души не чаяли. Она выросла и превратилась в статную красавицу с прекрасными длинными волосами. Женихи стояли в очереди, ожидая, кого она выберет себе в мужа. Но жизнь распорядилась совсем не так, как она себе планировала изначально. Большая беда пришла в город, и этой молодой, совсем не подготовленной к тяжелой жизни девушке пришлось преодолеть огромное расстояние, чтобы прибыть сюда и попросить у вас помощи. Она обращается лично к вам, к каждому из вас. Но так получилось, что эта девушка сейчас находится у чужих людей, и для того, чтобы ее вытащить оттуда, вы и должны выполнить одну поставленную перед вами задачу. То есть нам готовы вернуть девушку в обмен на ваши услуги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.